

Михаил ЛЕБЕДЕВ

ЖИТЬ ПОСЛЕ

**История о том, как о доблести, о подвигах, о славе легко
забыть на горестной земле**

2026 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЕКСЕЙ КОЛЬЧУГОВ (МИФРИЛ) — герой

ИВАН ПЕТРОВИЧ МЕДВЕДЬ — хозяин города

ИЛЬЗА — жена героя

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ КОЛЬЧУГОВ — отец героя

КЛАВДИЙ СЕРГЕЕВИЧ ГОНЗАГО — мэр

ГЕННАДИЙ (ГЕНРИХ) — сын мэра

ГАМЛЕТ АМБАРЦУМЯН — друг героя

ГЕРДА ФИЛИППОВА — подруга Ильзы

ЕВГЕНИЙ БЁРДИН (ДЖЕК) — журналист

РОЗЕНЦВАЙГ, ГИЛЬДЕНШТЕРН — студенты

ИННОКЕНТИЙ — юноша

БАРМЕН

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В кабинете мэра ГОНЗАГО и ГЕННАДИЙ сидят в креслах у большой радиолы на ножках, слушают сводку с фронта: «Вчера под Виттенбергом чёрные силы зла вышли на решительную битву с защитниками нашего богоспасаемого Отечества. Мужественно сражавшийся третий армейский корпус отступил под превосходящими силами противника, кольцо окружения вокруг Ставки Верховного Главнокомандующего сомкнулось на западной окраине города.

Президент с прискорбием отдал приказ выслать парламентариев для обсуждения условий капитуляции. И в этот печальный для нашей державы момент в лучах восходящего солнца вдруг с оглушительным грохотом рухнула центральная башня фаланги Повелителя зла. Из-под руин и обломков самовластья к дрогнувшим рядам захватчиков вышел командир спецназа особого назначения Алексей Кольчугов. Наш доблестный рыцарь Мифрил держал в высоко поднятой руке чёрный коготь поверженного врага. И склонила голову пред героем басурманская рать, и пали ниц фашисты и изверги рода человеческого, и признали своё поражение, и запросили великодушной милости у победителей. Так закончилась эта великая последняя битва. Слава защитникам Отечества! Слава Верховному Главнокомандующему! Слава Мифрилу!

Сейчас президент обсуждает с советниками дату проведения в столице

Парада Победы. Ожидается, что в нём примут участие отборные подразделения 47-й десантно-штурмовой бригады, 13-й механизированно-кавалерийской дивизии, четвёртого заградительного полка НГВД...» Мэр выключает трансляцию.

ГЕННАДИЙ. Всё?

ГОНЗАГО. Всё. И более того.

ГЕННАДИЙ. Чего?

ГОНЗАГО. Того, Гена, того.

ГЕННАДИЙ. Ладно. Но ведь победа?

ГОНЗАГО. Конечно.

ГЕННАДИЙ. Шампанского?

ГОНЗАГО. Нет, сынок, ещё не время.

ГЕННАДИЙ. Тогда водки?

ГОНЗАГО. Водки можно. Мне.

ГЕННАДИЙ. А мне?

ГОНЗАГО. А тебе зачем?

ГЕННАДИЙ. За победу.

ГОНЗАГО. Ну, разве что.

ГЕННАДИЙ идёт к холодильнику, достаёт бутылку водки, тарелку с нарезанными бутербродами. Берёт из буфета две рюмки, ставит на стол. Молча чокаются, выпивают, закусывают.

ГОНЗАГО. Вот ты говоришь, победа...

ГЕННАДИЙ. Радио говорит, все говорят.

ГОНЗАГО. Пусть говорят. Да, победа, да, счастье, но... Кто победил?

ГЕННАДИЙ. Мы победили.

ГОНЗАГО. Кого ты победил здесь, в нашем милом, спокойном городке? Или ты ко мне сюда сейчас сразу из окопа? Нет, ты ко мне сюда сейчас сразу из бара, где всю войну и просидел.

ГЕННАДИЙ. Так если у меня плоскостопие.

ГОНЗАГО. Я помню, я сам указание давал департаменту здоровья, чтобы тебе справку выписали. С таким плоскостопием, как у тебя, можно в балетную школу записываться.

ГЕННАДИЙ. Не пойду. Справка важнее.

ГОНЗАГО. Да я не заставляю, я спрашиваю: «Кто победил?» Тебя вычёркиваем.

ГЕННАДИЙ. Народ?

ГОНЗАГО. Не без того, конечно. Только это тот народ, который от мобилизации откупиться или спрятаться не сумел. А сумел бы — и не было бы никакого народа, одни только люди бы остались.

ГЕННАДИЙ. Тогда президент.

ГОНЗАГО. Гм... Ладно, наливай.

ГЕННАДИЙ. За Верховного Главнокомандующего стоя.

ГЕННАДИЙ встаёт, за ним грунно выпрямляется ГОНЗАГО. Чокаются поднятыми вверх рюмками, садятся.

Угодил наконец тебе.

ГОНЗАГО. Ну как угодил? Угодил, конечно. Только ты это моему директору

бюджетного департамента не говори, он тебе ухо откусит.

ГЕННАДИЙ. Почему ухо?

ГОНЗАГО. Потому что ухо — бессмысленный элемент организма, его не жалко.

Примерно как библиотеки, содержать которые город больше не в состоянии.

Завтра подпишу постановление об их закрытии.

ГЕННАДИЙ. И правильно. Я в библиотеках не был никогда, не нужны они народу.

ГОНЗАГО. А ухо тебе нужно?

ГЕННАДИЙ. Нужно.

ГОНЗАГО. Зачем?

ГЕННАДИЙ. Пусть будет.

ГОНЗАГО. Ты позор фамилии Гонзаго... Ладно. Так кто победил в итоге?

ГЕННАДИЙ. Президент же.

ГОНЗАГО. О, господи... Хорошо, а ещё кто?

ГЕННАДИЙ. Кто?

ГОНЗАГО. Я у тебя спрашиваю.

ГЕННАДИЙ. Я не знаю.

ГОНЗАГО. Сводку сегодняшнюю вспомни.

ГЕННАДИЙ. Третий армейский отступил... Окружение... Президент собрался капитулировать... Башня фаланги... Мифрил, что ли? Лёха Кольчугов?

ГОНЗАГО. Трудный ты у меня, долгий.

ГЕННАДИЙ. Рост 187, утром замерял.

ГОНЗАГО. Лёшка-то пониже тебя будет, я правильно помню?

ГЕННАДИЙ. Пониже. Я на физре всегда правофланговым стоял, а Кольчуга шестым от меня.

ГОНЗАГО. Теперь он герой.

ГЕННАДИЙ. Герой... Да я его в шестом классе в унитаз...

ГОНЗАГО: Один?

ГЕННАДИЙ. Зачем один? С Фибой, Клёпой и Мансуром.

ГОНЗАГО. То-то и оно. Потому Мансур грузчик в мебельном, Клёпа эмигрировал к тёплому морю, Фиба сторчался, у тебя плоскостопие. А у Лёши Кольчугова в кармане Коготь Повелителя Зла и пожизненная льгота на проезд в городском транспорте.

ГЕННАДИЙ. Я тогда водки ещё выпью.

ГОНЗАГО. Не выпьешь. Убирай всё со стола.

ГЕННАДИЙ прячет алкогольно-закусочный натюрморт. ГОНЗАГО нажимает кнопку связи с приёмной.

Лена, Евгений Бёрдин пришёл?

Секретарша отвечает: «Пришёл, чай пьёт».

ГОНЗАГО. Приглашай.

Входит БЁРДИН.

БЁРДИН. Здравствуйте. Вызывали, Клавдий Сергеевич?

ГОНЗАГО. Приглашал. Проходи, Евгений, садись.

ГЕННАДИЙ. Здорово, Джек. Вторую неделю в баре тебя не видно. Случилось

чего?

БЁРДИН. Привет, Генрих. Работы навалилось — не прдохнуть.

БЁРДИН подходит к мэру и его сыну, здоровается за руку, садится.

События скачут, как блохи, не успеваешь давать им политическую оценку. А читатель ждать не будет, он сразу в «Патриотический вестник» побежит. Но там, вы же в курсе, какой уровень журналистики. Нет, приходится держать планку, ежедневно разъяснять публике суть происходящего. Тем более, сейчас.

ГЕННАДИЙ. Каков Кольчуга-то наш, а, Джек?

БЁРДИН. С великим человеком росли мы вместе, Генрих. Я думаю, Клавдий Сергеевич, что муниципалитет в ближайшие дни примет решение о присвоении легендарному Мифрилу звания почётного гражданина нашего города, так? Кто если не Алексей Леонтьевич Кольчугов более достоин этого гордого звания?

Если нужно, «Слово Отчизны» завтра же выступит с соответствующей инициативой, у нас уже и обращения от граждан заготовлены: от механического цеха завода измерительной аппаратуры, от преподавателей и студентов Академии благополучия и порядка и даже от одной женщины-космонавта.

ГОНЗАГО. Это само собой, но вот что я ещё подумал, Евгений. Вы же с Алексеем на одном курсе в Академии учились, кому как не тебе взяться за книгу о Мифриле, о нашем прославленном земляке? Как думаешь?

БЁРДИН. Не знаю. А что скажет Медведь?

ГОНЗАГО. Это идея Ивана Петровича. Вот он подтвердит. (*Киваёт на Геннадия.*)

ГЕННАДИЙ. Подтверждаю, он с этим меня сюда и прислал.

БЁРДИН. Почту за честь, Клавдий Сергеевич. Но это большая и ответственная работа, которую трудно совместить со службой в газете. И потом, необходимы встречи с героем, многочасовые интервью, работа с его личным архивом. Какую-то фактуру я, разумеется, наберу у отца Леонтия с Ильзой, но ведь придётся неоднократно ездить к герою в действующую армию или в столицу, куда, вероятно, теперь переберётся жить Алексей. Затраты, знаете ли, ожидаются сверх моего скромного семейного бюджета.

ГОНЗАГО. Получишь оплачиваемый творческий отпуск на год, на следующей неделе выиграешь муниципальный тендер на творческое осмысление подвига нашего легендарного соотечественника. Бедствовать не будешь, мягко говоря. С Иваном Петровичем финансовый вопрос согласован. Требуется тонко и аккуратно подсветить тех, благодаря кому Алексей вознёсся до горных вершин, — истинных друзей молодости, наставников на начальном этапе его жизненного пути. Написать повесть о настоящем человеке и кто ему в этом становлении помог. Мы абы кому поручать такое деликатное дело не стали бы, сам понимаешь. И наконец, главное: на днях Кольчугов увольняется с ратной службы и возвращается в родной город, где намерен жить мирной семейной жизнью. Поставит, так сказать, свой бронепоезд на запасный путь. Так что, будешь материал собирать здесь, на малой родине героя.

ГЕННАДИЙ. Ого. Зачем бы это Кольчуге, интересно?

ГОНЗАГО. Не нашего ума дела, не доросли ещё до прозрения помыслов великих мира сего.

БЁРДИН. Совсем другой поворот. А информация ваша верная, Клавдий Сергеевич?

ГОНЗАГО. Вернее не бывает... А сейчас выметайтесь отсюда хоть в церковь,

хоть в бар, хоть в библиотеку. Мне нужно работать над планом торжественных мероприятий к достойной встрече дружка вашего, Мифрила. Пошли-пошли.

ГЕННАДИЙ и БЁРДИН прощаются, выходят из кабинета.

Возвращение героя, финал эпоса на мою голову. Жили ведь себе как люди.

Мэр включает настольную лампу, работает с документами.

СЦЕНА ВТОРАЯ

КОЛЬЧУГОВ с ИЛЬЗОЙ пьют утренний кофе в своём доме.

ИЛЬЗА. ...Так она Каева и бросила, он теперь в тепличном комплексе заместитель главного инженера, полгода уже как не пьёт совсем. В драматическую студию записался, чтобы на героя-любовника выучиться, но ему пока только штангу ворот доверяют играть в детском утреннике «Вратарь Вселенной». Герда прежнюю фамилию вернула, Филиппова, а спектакль так и не пошла смотреть. «Видеть, — говорит, — его не могу: хоть штангой, хоть циркулем, хоть принцем заморским». А я сходила — нормальный там Каев, обстоятельный, красиво стоит, покряхтывает, когда в него мяч попадает. В общем, роли соответствует. Говорю ей: «Ты сходи, глянь на него, совсем другим человеком стал». Нет, не хочет.

КОЛЬЧУГОВ. А ты, значит, заставляешь подругу гнаться за ним три дня, чтобы сказать, как он ей безразличен?

ИЛЬЗА. Ну, типа того.

КОЛЬЧУГОВ. Зря. Значит, так надо. Всё в природе устроено по этому принципу: тебе кажется, что мир рухнул, настали последние времена, но вдруг оказывается, что последние времена обернулись первыми, что вокруг новые друзья, сам ты стал другим — сильнее, умнее, нежнее — значит, всё было не зря, значит, так надо.

ИЛЬЗА. То есть, всем нам нужна была эта последняя битва? Значит, так нужно было?

КОЛЬЧУГОВ. Нет.

ИЛЬЗА. Ну и вот.

КОЛЬЧУГОВ. Я врал, я врун... Пошли, ещё поваляемся?

ИЛЬЗА. Сейчас Леонтий Богданович придёт, а за ним полгорода прискакет. Мифрила в мешке не утаишь. Ты молодец, что ночью тихой дорогой в город пробрался, хоть эти пять часов наедине побывать с тобой успели. А сейчас начнётся: вчера журналисты телефон весь вечер обрывали, пока я его не выключила, Женяка Бёрдин книгу о тебе собрался писать. Помнишь его?

КОЛЬЧУГОВ. Джека-то? Конечно, помню. Тремя мушкетёрами нас в школе звали — меня, Джека и Гамлета. А против нас были кардинальцы, помнишь?

ИЛЬЗА. Во главе с Геночкой Гонзаго.

КОЛЬЧУГОВ. Да, с Генрихом. Эх, были времена... Слушай, никого не хочу видеть. Давай никому не открывать — нету нас дома, за грибами уехали или на ярмарку в Кимры.

ИЛЬЗА. Мечтатель ты мой... (*Звенит дверной звонок.*) Будут сейчас тебе и грибы, и ярмарка.

ИЛЬЗА открывает дверь. В дом входят ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ в облачении священнослужителя и одетый с чрезмерной элегантностью МЕДВЕДЬ.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ (*обнимает Мифрила со слезами счастья на глазах*). Сынок! Радость-то какая! Услышал Господь наши молитвы, допустил победу Добра над вечным Злом. А мне вернул тебя целым и невредимым. Вот матушка-то посмотрела бы сейчас на сыночка, порадовалась! Но она, я знаю, ныне с ангельской высоты своей на тебя любуется... Здравствуй, Ильза, здравствуй, деточка! Дождались мы с тобой Алёшеньку нашего. Спасибо, что позвонила прямо с утра, сообщила благую весть. Храни тебя Бог!

КОЛЬЧУГОВ. Ну что ты, батя? Здравствуй. Не постарел совсем, держишься молодцом. Ну, будет, будет.

ИЛЬЗА. Да садитесь вы все за стол. Самовар горячий, кофе будем пить или чай, кому что нравится. Вот печенье, варенье жимолостевое. И вас прошу, Иван Петрович, к скромному завтраку, вот сюда присаживайтесь. Вам чай или кофе?

МЕДВЕДЬ. Ну что вы, хозяйка, право слово. Фужеры несите, не стесняйтесь. (*Достаёт из портфеля дорогое шампанское*.) Или не праздник у нас сегодня?

КОЛЬЧУГОВ. С утра пораньше? Впрочем, я давно отвык от этих гражданских

предрассудков... Мы, кажется, не знакомы?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Алёшенька, это Иван Петрович, он...

МЕДВЕДЬ. Рекомендуюсь, Иван Петрович Медведь, предприниматель.

Большой поклонник ваших военных талантов и беспримерного мужества. А моего мужества хватило лишь на то, чтобы без приглашения лично одним из первых засвидетельствовать своё глубочайшее почтение герою нашего времени. Вот, напросился к отцу Леонтию сегодня в наперсники. Но если вы желаете чисто в семейном кругу, только мигните — ей богу, не обижусь, испарюсь, как утренняя роса, дождусь официального чествования на общегородском мероприятии, которое назначено сегодня на три часа пополудни. Афиши уже по всему городу расклеены.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Помилуйте, Иван Петрович, как можно? Мы только рады оказать семейное гостеприимство. Лёшенька, сынок, открывай шампанское.

КОЛЬЧУГОВ (*открывает шампанское*). Судя по голосам за окном, одной бутылкой тут не отделаться. Сейчас здесь будет полон дом гостей.

МЕДВЕДЬ. Во-первых, кто же ходит в гости с одной бутылкой? А во-вторых, там моя охрана, никто не побеспокоит без нашего разрешения.

КОЛЬЧУГОВ. Охрана? Часовые по периметру? Допуск по паролю?
Неожиданно для мирного города.

МЕДВЕДЬ. Исключительная мера поощрения — иначе шум, бедlam, восторг и громогласность. Не нужно нам пока этого, верно?

ИЛЬЗА. Лучше бы вообще без всего этого.

МЕДВЕДЬ. Нельзя. Народ должен радостно встретить своего героя, он это заслужил.

КОЛЬЧУГОВ. Народ или герой?

МЕДВЕДЬ. Всяк своей мерой. А вдруг кто меры не знает — тогда жди революции и катаклизма, известное дело. Нужны они нам? Не нужны. Потому встреча героя пройдёт с бурной экзальтацией, но в рамках гражданской умеренности с пятнадцати до семнадцати ноль-ноль. Затем банкет, общегородские гуляния, салют. Останетесь довольны, обещаю.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Литургию бы, Иван Петрович. Есть запрос от прихожан.

МЕДВЕДЬ. Согласен. Начнём с литургии, потом митинг, банкет, фейерверк. В такой последовательности. Нет возражений, Алексей Леонтьевич?

КОЛЬЧУГОВ. Как скажете. Я отвык от гражданских панихид и праздников. Но позвольте поинтересоваться: вы в каком качестве сегодня у меня в гостях? Мне всегда казалось, что подобные вопросы находятся в исключительном ведении мэра.

Гости вместе с ИЛЬЗОЙ снисходительно-вежливо улыбаются.

ИЛЬЗА. Ну что ты, милый?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Промыслом божьим здесь сегодня Иван Петрович, уж поверь, сынок.

МЕДВЕДЬ. Верный вопрос ваш, уважаемый Мифрил, справедливый. Только в нашем городе, извольте видеть, нет привычной вам армейской субординации. Иной раз без неё как-то надёжнее. Выборы у нас тут проводятся всякие, депутатские запросы, опять же, слушания разные, а порой и провокации инакомыслия случаются — в свободной, чай, стране живём. Но кто-то и за порядком должен следить, чтобы свободы через край не выплеснулись. Без этого у нас, знаете, никак. Без этого у нас вольнодумство и отказы снегоуборочной техники. Привыкайте.

КОЛЬЧУГОВ. Дисциплина, стало быть, и устав внутренней службы. Понимаю.

МЕДВЕДЬ. Вот и славно... Что ж, если мы друг друга поняли, то больше не смею мешать. Сам я на торжественных мероприятиях присутствовать не сумею, вспомнил сейчас: срочные дела в столице, самолёт уже на парах. Если в чём-то останетесь в претензии, обращайтесь напрямую к мэру Гонзаго, я с ним на связи.

КОЛЬЧУГОВ. Постойте. Я правильно понял, что Клавдий Сергеевич у вас на посылках?

МЕДВЕДЬ. Весь мир таков, что стесняться нечего, мой юный друг. Вернусь — приходите ко мне, не чинясь. Вместе решим, как приспособить ваши талант и славу на пользу городскому хозяйству. Хорошего вам дня.

КОЛЬЧУГОВ. Постойте. Вы мне отчего-то противны, надеюсь, мы больше не увидимся.

МЕДВЕДЬ. Бывает. А кто не в рабстве собственных страстей? До встречи.

МЕДВЕДЬ уходит.

ИЛЬЗА. Вот так у нас сейчас тут.

КОЛЬЧУГОВ. Ничего не меняется, никогда и ничего. Вы засыпаете на долгое время, а когда просыпаетесь, оказывается, что всё на свете осталось по-прежнему. Сколько бы вы ни проспали, ничего не меняется.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Ты не помнишь, Алёша, но когда мы ещё жили в Ростове Великом, служение у меня не задалось. Совсем там отлучённый от Бога был народ, не мог я там. Даже ребятишки во дворе злые были, нехорошие. А сюда перебрались — и здесь не лучше. Но знаешь, слово Божие каждый день по капельке, по росинке малой смягчает нравы людские. Они меняются, сынок, они запоминают, они каждый раз возвращаются чуть лучше, чем были вчера. Ты верь, Алёша, верь — и всё придёт. Только верь.

КОЛЬЧУГОВ. Я мал был в Ростове, но помню как во дворе меня все поповичем

дразнили... Говоришь, верить в них нужно, отец? И в таких, как этот Медведь?
Ты сам-то ему веришь?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Да, приходится. Без веры нельзя.

ИЛЬЗА. Ты привыкнешь. Всё не так плохо, как кажется. И мир на улице, Лёшка, мир! Это главное сейчас для всех. Лишь бы не было войны... Уже уходите, Леонтий Богданович?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Литургия не ждёт, дочь моя. Сама слышала, Иван Петрович утвердил. Сходить на радио объявление дать, затем успеть подготовиться, чтобы провести по высшему чину... Ты-то в храм придёшь, сынок?

КОЛЬЧУГОВ. Нет никакого Бога, отец, я не видел его на войне. Нет, не приду.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Господь тебе судья.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ уходит.

КОЛЬЧУГОВ. Странное ощущение избыточной реальности. Знаешь, когда из реки выныриваешь, вода с глаз схлынет — и всё вдруг кругом яркое с перебором: небо, солнце, вода, лес на берегу. Вот и я сейчас вынырнул в другую жизнь... Ничего, проморгаюсь, пройдёт. Буду жить как все, как вы с батей. Наверное.

ИЛЬЗА. Нет, не будешь. Ты не умеешь без подвигов.

КОЛЬЧУГОВ. Научусь.

ИЛЬЗА. Тогда это будешь уже не ты... Пойдём парадный костюм тебе подбирать в гардеробе на праздник.

КОЛЬЧУГОВ. Мне в форме привычнее.

ИЛЬЗА. Придётся отвыкать. Шагом марш.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В баре шумно, накурено. За большим столом продолжается банкет в честь возвращения героя. КОЛЬЧУГОВ сидит на почетном месте, рядом ИЛЬЗА, ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ, ГОНЗАГО, ГЕННАДИЙ. У барной стойки расположились ГЕРДА и БЁРДИН. БАРМЕН протирает стаканы. С улицы доносится гул городского праздника.

ГОНЗАГО. Да, седьмое место в рейтинге городов по итогам прошлого года. Были отмечены Малой президентской поощрительной медалью.

КОЛЬЧУГОВ. Надо же.

ГОНЗАГО. Нет, дорогой Мифрил, не моя это заслуга, но всех наших чудесных горожан. Терпели и огрехи в работе городского транспорта, и очереди в поликлиниках, и точечное благоустройство, но выдержали, заслужили.

КОЛЬЧУГОВ. В других городах меньше терпели?

ГЕННАДИЙ. Там ещё хуже.

КОЛЬЧУГОВ. Хуже, чем здесь, Генрих?

ГЕННАДИЙ. У нас не хуже — у нас менее лучше, а у них хуже. Важный нюанс, Лёха. Ничего, научишься.

ГОНЗАГО. Библиотеки закрыли, студенты после учёбы в третью смену на танковом заводе выходили, школьники в госпиталях стихи раненым читали. Всё, как говорится, для фронта, всё для победы. Выдержали, победили, теперь на

нашой улице праздник.

ИЛЬЗА. На нашей улице каждый день кто-нибудь похоронку получал.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Помяни, Господи, души усопших раб твоих и прости им вся согрешения вольная и невольная, и даруй им царство небесное.

ГЕННАДИЙ. Аминь.

ИЛЬЗА. Аминь.

ГОНЗАГО. Вот такие дела, Алексей. Ты, конечно, герой и победитель, но и мы тут ковали, так сказать, и способствовали.

КОЛЬЧУГОВ. У меня тост. (*Встает с бокалом.*) За тружеников тыла! За мир во всём мире! За вас!

Все выпивают стоя, ГЕРДА и БЁРДИН поддерживают тост, поднимают бокалы у стойки бара.

ГЕРДА. Трогательное единение героя и рабов.

БЁРДИН. Рабов?

ГЕРДА. Рабов Господа нашего. А ты что подумал?

БЁРДИН. Я не люблю думать.

ГЕРДА. Я знаю. Ты когда-то был хорошим парнем, Джек, пока не разлюбил думать.

БЁРДИН. Думать нынче вредно для общественного здоровья. Да и для личного.

ГЕРДА. Я знаю. Так зло побеждает добро: вначале думать становится страшно одному, потом троим, затем думать перестают все. И приходит Повелитель зла.

БЁРДИН. Но кто-то его побеждает.

ГЕРДА. Кто-то, но не ты, Джек. Победили одного, появится другой: у дракона много голов. Зло не может не возвратиться, если все вокруг считают его благом.

И ты, и они, и он. (*Палец Герды упирается в Бармена.*)

БАРМЕН. Я просто здесь работаю, я ни при чём... Желаете повторить?

(*Наполняет бокалы Герды и Бёрдина, они молча чокаются и выпивают.*)

БЁРДИН. Значит, мы должны сделать добро из зла, потому что его больше ни из чего сделать.

ГЕРДА. Слова, слова, красивые слова. Красивые пустые слова.

К ГЕРДЕ и БЁРДИНУ присоединяется КОЛЬЧУГОВ.

КОЛЬЧУГОВ. Я за этот день так устал, как будто затрофеил пять чёрных когтей... Что пьёшь, Джек? (*Бармену.*) Мне того же.

БАРМЕН. Счастлив налить. За счёт заведения.

БЁРДИН (*Бармену*). Не старайся сверх меры. За всё уплачено Медведем.

КОЛЬЧУГОВ. Тебя он тоже купил, Джек?

ГЕРДА. Как и всех в этом городе. Тебя вся та же участь злая ждёт, Лёшка, даже не сомневайся.

БЁРДИН. Нет, он у нас герой, он не сдастся.

КОЛЬЧУГОВ. Посмотрим.

БЁРДИН. Он не так уж и плох, этот Медведь, он знает что делает. Методы спорные, но на улицах тишина и спокойствие. Последнего бандита и грабителя здесь видели в позапрошлом году.

КОЛЬЧУГОВ. А последнего свободного человека?

БЁРДИН. Не помню.

КОЛЬЧУГОВ. Тебе не противно так жить, Джек? Ты же когда-то был хорошим

парнем.

БЁРДИН. Я привык... Когда приступим к книге, Лёша?

КОЛЬЧУГОВ. Я не знаю, зачем мне эта книга. И зачем она мэру, или Медведю, или тебе.

БЁРДИН. Мне для гонорара, Гонзаго для Медведя, Медведю... А чёрт его знает, зачем эта книга Медведю.

ГЕРДА. Для людей. Джек. Ты напишешь книгу для людей, чтобы им не было так страшно. Когда есть живой герой, тогда уходит страх. Он не для Медведя напишет эту книгу, Лёша, он сумеет. И ты согласишься, потому что это правильно, потому что кто-то поверит, что можно жить без страха, даже если её напишет испуганный человек.

БЁРДИН. Я не испуганный, я практичный.

КОЛЬЧУГОВ. Хорошо, я подумаю.

К КОЛЬЧУГОВУ, ГЕРДЕ и БЁРДИНУ подходит ИЛЬЗА с телефоном в руках.

ИЛЬЗА. Это Амбарцумян, его не пускают в бар.

КОЛЬЧУГОВ. Гамлет? Гамлет Амбарцумян? Как я мог про него забыть! (*В телефон.*) Гамлет, ты здесь, ура! Жди, я сейчас. (*Возвращает телефон Ильзе.*) Кто смеет не пускать сюда моего друга Гамлета?

ИЛЬЗА. Решай вопрос с Гонзаго.

КОЛЬЧУГОВ. Зачем Гонзаго? Я сейчас выйду и устрою им маленькую кровавую битву при Гавгамелах!

ИЛЬЗА. Не навоевался ёщё? Просто скажи мэру, чтобы тот дал команду медведевской охране. Привыкай открывать дверь ключом, а не вышибать её с ноги.

КОЛЬЧУГОВ. Пошли.

КОЛЬЧУГОВ, ИЛЬЗА, ГЕРДА и БЁРДИН возвращаются за стол.

Слыши-ко, Клавдий Сергеевич, если ты сейчас не откроешь двери бара перед Амбарцумяном, клянусь, я сожгу бар! А потом мэрию.

ГОНЗАГО (*достаёт телефон*). Нервные все такие... Седьмой, там у дверей буйнит некто Гамлет Амбарцумян, пропусти его... И этих тоже... Нет, остальных не нужно, пусть радуются заочно, ждут салюта... (*Прячет телефон в карман.*) Всё. Счастлив? Герою же всё дозволено, даже кричать на человека, который его вот такусеньким на коленке качал. Качал я его, отец Леонтий, или не качал?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Качал, очень даже качал.

ГОНЗАГО (*утирает злую слезу*). Ростишь, стараешься для них, а какая потом благодарность? Нет никакой благодарности.

КОЛЬЧУГОВ. Простите, Клавдий Сергеевич. Вспылил, был неправ.

ГЕННАДИЙ. Да, Лёха, что-то ты не того.

ГОНЗАГО. Ладно, что ж теперь. Праздник же сегодня.

В бар входят ГАМЛЕТ, РОЗЕНЦВАЙГ, ГИЛЬДЕНШТЕРН и ИННОКЕНТИЙ. КОЛЬЧУГОВ подходит к ним.

КОЛЬЧУГОВ (*обнимает Гамлета*). Гамлет! Ты почему только сейчас? Как же я рад тебе!

ГАМЛЕТ. Так охрана же, цепные псы режима. Не при вас будет сказано,

Клавдий Сергеевич.

КОЛЬЧУГОВ. А это кто?

ГАМЛЕТ. А это лучшие представители городской молодёжи, очень хотели с тобой познакомиться. Отличные ребята, не пожалеешь...

КОЛЬЧУГОВ. Что ж, очень рад новому знакомству.

РОЗЕНЦВАЙГ. Розенцвайг Ефим, студент Академии благополучия и порядка.

ГИЛЬДЕНШТЕРН. Александр, Саша, фамилия Гильденштерн. Учимся с Ефимом вместе на втором курсе.

КОЛЬЧУГОВ. А факультет какой?

ГИЛЬДЕНШТЕРН. Философии отечественной стабильности. ОтСтой, как у нас говорят.

КОЛЬЧУГОВ. Помню. А я учился на суворенной безопасности.

РОЗЕНЦВАЙГ. СувБез, мы знаем.

КОЛЬЧУГОВ (*Иннокентию*). А ты чего молчишь?

ИННОКЕНТИЙ. Я не молчу. (*Молчит.*)

РОЗЕНЦВАЙГ. Это Кеша, Иннокентий. Он ещё не студент, школьник, но очень хотел встретиться с героем. Мы сейчас на площади познакомились.

ИННОКЕНТИЙ (*вынимает из-за пазухи постер с Мифрилом*). Я только автограф. Мне, Кеше. Вот фломастер. Пожалуйста.

КОЛЬЧУГОВ (*расписывается на постере, возвращает его Иннокентию*).

Гамлет, дружище! Ну, пойдём, пойдём!

ГАМЛЕТ. Момент. (*Обращается с Розенцвайгу, Гильденштерну и Иннокентию.*) Что, молодёжь, потрогали живого Мифрила? Так, теперь не путайтесь под ногами, ступайте вон туда. (*Бармену.*) Студентам пива, пацану газировки! И радио им включи там, что ли.

КОЛЬЧУГОВ и ГАМЛЕТ садятся за общий стол. РОЗЕНЦВАЙГ, ГИЛЬДЕНШТЕРН и ИННОКЕНТИЙ уходят к барной стойке.

ГЕННАДИЙ. Вернулся, герой.

КОЛЬЧУГОВ (*Гамлету*). Мы тут из-за тебя слегка с Клавдием Сергеевичем повздорили, он сейчас сердит на меня.

ГЕННАДИЙ. Еле удержался, чтобы не вызвать тебя на дуэль.

КОЛЬЧУГОВ. Так вызови меня, Генрих.

ГЕННАДИЙ. Поверь, мне жизнь моя дешевле, чем булавка.

ГОНЗАГО. Гена, перестань, сынок.

ИЛЬЗА (*Кольчугову*). Хватит, прекрати! Лёша, не порть людям праздник.

ГАМЛЕТ (*Кольчугову*). Брось, они не виноваты. Жизнь такая.

КОЛЬЧУГОВ. Дуэль — это так просто, дружок. (*Слегка бьёт Геннадия ладонью по щеке.*) Это как цитировать Шекспира. Вызови меня, Гена, прошу тебя.

ГАМЛЕТ. Если обращаться с каждым по заслугам, кто же избавится от пощёчины?

ГЕННАДИЙ. Всякой дуэли своё время. А сейчас прошу простить, это я от горячности, а не со зла. Скажи ему, Гамлет.

ГАМЛЕТ. Оставь его, Лёша. Он подручный Медведя, не усложняй себе жизнь.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Предлагаю примирительный тост: за здоровье Ивана Петровича!

ГОНЗАГО. Да, это правильно, это по-христиански. Если желаешь, Алексей, я сам тебе свою вторую щёку подставлю. Потому что мир лучше войны. Согласен?

КОЛЬЧУГОВ. Трудно спорить.

ГЕРДА. Борьба за мир окончилась ничьей. (*Выпивает.*) Пойдём, Лёшка, потанцуем. Бармен, поставь что нибудь!

БАРМЕН заводит на радиоле пластинку с песней «Когда муж пошёл за пивом».
КОЛЬЧУГОВ с ГЕРДОЙ танцуют.

ГЕННАДИЙ. Ильза, скажи ты ему.

ИЛЬЗА. Скажу, только не скули.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Библиотеки скоро откроете теперь, Клавдий Сергеевич?

ГОНЗАГО. Не думаю. Федеральный центр прислал директиву выделить из муниципальной казны средства на послевоенное восстановление народного хозяйства. Бюджетный департамент плачет. Так, счетовод?

ГАМЛЕТ. Всем департаментом плачем, подтверждаю.

ГОНЗАГО. Такое оно у нас, мирное время: не успеешь с последствиями войны справиться, как к новой готовиться пора. А всё вам мэр плохой.

ГАМЛЕТ. Вы не плохой, вы ограниченный. В ресурсах, я хотел сказать.

ГОНЗАГО. Премии лишу.

ГАМЛЕТ. Нельзя лишить того, чего нет в природе уже три года.

ГОНЗАГО. Что верно, то верно. Наливай, счетовод.

За столом выпивают, КОЛЬЧУГОВ с ГЕРДОЙ танцуют, радиоприёмник Бармена вещает юношам: «Британские учёные выяснили, что в Гренландии ледники тают быстрее, чем в Антарктиде».

РОЗЕНЦВАЙГ. Я не верю в Англию.

ГИЛЬДЕНШТЕРН. Что же это по-твоему, шутка картографов?

ИННОКЕНТИЙ. Кто такие картографы?

Танец закончился. ГЕРДА отправляется за стол, КОЛЬЧУГОВ садится на стул у стойки бара.

КОЛЬЧУГОВ (*Бармену*). Пива.

ГИЛЬДЕНШТЕРН. А вы теперь гражданский будете?

КОЛЬЧУГОВ. Уже.

РОЗЕНЦВАЙГ. Что ж, наступил мир, значит нужно начинать битву с дураками здесь у нас, а не под Виттенбергом.

КОЛЬЧУГОВ. Я не против. Много дураков-то в городе накопилось за моё отсутствие?

ГИЛЬДЕНШТЕРН. Не так чтобы все, но во власти все до единого.

РОЗЕНЦВАЙГ. А героев совсем не осталось. Вот, слава богу, вас дождались.

КОЛЬЧУГОВ. Что ж, я готов.

ИННОКЕНТИЙ. Мирил, возьмите меня в оруженосцы. Пожалуйста.

КОЛЬЧУГОВ. Беру.

ИННОКЕНТИЙ. Вот здесь напишите: «Зачисляю Иннокентия в свои оруженосцы». (*Протягивает давешний постер.*) Подпись, дата. Спасибо.

С улицы доносится гром салюта и оглушительный радостный рёв толпы.

КОЛЬЧУГОВ. Вот и фейерверк. Пошли, пацаны, на свежий воздух.

Все выходят из бара.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Бар освещён ярким утренним солнцем. БАРМЕН заканчивает протирать шваброй пол после вчераиного праздника. ГАМЛЕТ за столиком пьёт кофе, КОЛЬЧУГОВ бросает в мишень дротики.

ГАМЛЕТ. ... После того случая и пришлось Гонзаго отдать Генриха в услужение Медведю. Вот такой у нас в общем и целом расклад. Но ничего, войну пережили и с миром справимся.

КОЛЬЧУГОВ. Как у вас всё просто.

ГАМЛЕТ. У кого?

КОЛЬЧУГОВ. У всех. Я посмотрел вчера на горожан: они живут в своём уютном, мирном, сладком сне, не замечая окружающей лжи и подлости. Привыкли к установленному порядку и помыслить не смеют, чтобы его изменить.

ГАМЛЕТ. А должны?

КОЛЬЧУГОВ. Я видел в северных землях червей, оживающих после оттаивания вечной мерзлоты, в которой они пролежали тысячи лет. Для них ничего не изменилось, черви продолжают размножаться и поедать на кладбищах мёртвую плоть. Тоже радуются жизни.

ГАМЛЕТ. И всё таки они люди.

КОЛЬЧУГОВ. Это снаружи. А внутри — Медведи или его подобия.

ГАМЛЕТ. У каждого города свой Медведь. Или Кабан, как в Татарске. Или Гадюка, как в Воронеже. Наш в сравнении с ними ещё ничего: в городе дозволено включать радио и в тюрьмах полно вакантных нар. Третий год наблюдаем прирост населения за счёт мигрантов из Омска и Вышнего Волочка. Потому как душевность в нас неистребимая. Лютая, можно сказать, душевность.

КОЛЬЧУГОВ (*Бармену*). Который час?

БАРМЕН. Какой скажете.

КОЛЬЧУГОВ. Полтретьего ночи.

БАРМЕН. Нет, ночью мы не работаем. Скажите другой.

ГАМЛЕТ. Оставь его. Четверть одиннадцатого.

КОЛЬЧУГОВ. Назначено на десять. Я не стану ждать.

ГАМЛЕТ. Он всегда опаздывает, стиль такой. Не обращай внимания.

КОЛЬЧУГОВ. Мне сложно. Я не привык с червями.

ГАМЛЕТ. Привыкнешь. Все привыкают.

В бар выходят МЕДВЕДЬ и ГЕННАДИЙ.

МЕДВЕДЬ. Простите за задержку — пробки, сами понимаете. Прошу садиться. Мне — апельсиновый фреш.

Все усаживаются за стол. МЕДВЕДЬ достаёт из портфеля документ, передаёт его КОЛЬЧУГОВУ. БАРМЕН приносит сок МЕДВЕДЮ.

Не будем терять времени: здесь завтрашнее решение городского Совета «О

мерах поувековечению подвига Алексея Леонтьевича Кольчугова (в скобках, Мифрила) и персональных льготах герою нашего муниципального образования». Ознакомьтесь, напишите «согласовано» — и разойдёмся дальше улучшать этот безумный, безумный мир. У меня через час совещание с могильщиками: быть или не быть в городе крематорию. У похоронного бизнеса есть сомнения в этом начинании, не понимают пока граждане своего счастья.

ГАМЛЕТ. Живут же люди — вся могила в цветах.

МЕДВЕДЬ. Шутка. Понял, оценил... Геннадий, когда директор бюджетного департамента написал заявление об отставке?

ГЕННАДИЙ. Пишет прямо сейчас.

МЕДВЕДЬ. Хорошо. А кого на его место рекомендует мэр?

ГЕННАДИЙ. Счетовода Гамлета Амбарцумяна.

МЕДВЕДЬ. Правильное решение, поддерживаю. Никто из присутствующих не против?

ГЕННАДИЙ. Никто.

ГАМЛЕТ. Это неожиданно. У меня, конечно, есть свои соображения по части смягчения тарифной политики, но...

МЕДВЕДЬ. Вот и славно... Подписывайте, Мифрил, подписывайте. Время — деньги. Кстати, ваши подъёмные на первое время. (*Кивает Геннадию, тот придвигает Кольчугову по столу пухлый конверт.*) Это внебюджетные средства, скромный дар герою от восхищённого купечества, сущий пустяк.

КОЛЬЧУГОВ отрывается от изучения документа, заглядывает в конверт, достаёт пачку банкнот, сминает их в кулаке и медленно разжимает ладонь. Купюры падают на пол, сквозняк разносит их по бару. ГЕННАДИЙ бросается подбирать деньги, закончив, возвращается на своё место.

КОЛЬЧУГОВ. Я не продаюсь, хищное вы животное.

МЕДВЕДЬ. Я верю, верю.

КОЛЬЧУГОВ. И мне не нужна ни книга «Герой нашего города», ни улица Мифрила, ни пожизненная пенсия, ни гимназия имени Алексея Кольчугова, ни памятник, ни ежегодный военно-патриотический фестиваль «Славный сын Отечества».

МЕДВЕДЬ. Хорошо, пенсию временно вычёркиваем. А в остальном, я извиняюсь, ваше мнение глубоко последнее. Это всё не для вас, это для нас.

Чтобы дети наши воспитывались на героическом примере, росли сильными и мужественными, умели собирать автомат и ходить строем... Вы против детей?

КОЛЬЧУГОВ. У меня нет детей, но я не против.

МЕДВЕДЬ. Тогда подписывайте, Мифрил, подписывайте. Ну что вы как ребёнок? Решение всё равно будет принято, но порядок есть порядок. Порядок нужно уважать.

КОЛЬЧУГОВ. Уважать порядок — это уважать вас. А я не хочу вас уважать, Медведь. Потому что уважать вас — не уважать себя, это очень простой выбор. Вы же никогда не выходили на открытый честный бой, вы не знаете, что это и зачем. Когда приходит время последней битвы, человек надевает на себя всё чистое, понимаете? А вы предлагаете мне обляпаться грязью, сливвшись с вами в объятиях. Не будет этого никогда по одной простой причине: мне противно. Мне противно ваше богатство напоказ, ваша философия права сильного, ваши пресмыкающиеся подручные. Даже портфель мне ваш противен... Достоинство... Самое страшное, что случилось с этим городом — утрата достоинства. Люди

перестали быть прямыми, они сломались, как деревья в ураган, а кто не сломался, тот искривлён, искорёжен бурей, тот цепляется корнями за малый клочок земли на каменном утёсе начальственного презрения и бесстрастной силы денег. Но в этих корнях живёт надежда. Они протянулись глубоко, они из последних сил питают изломанные души живой водой доброты, жалости, участия — всего того, из чего вырастает отвращение к природе зла, к безумству сильных мира сего и даже к вашему портфелю. И в том моя последняя надежда... Я объявляю вам войну, я верну этому городу достоинство и смелость. Мне можно, у меня вашими стараниями и справка есть, что я герой. Бойтесь меня, Медведь. Как бы вам непривычно было это чувство, но бойтесь. Уже пора. МЕДВЕДЬ. Уже боюсь. Тебе страшно, Геннадий?

ГЕННАДИЙ. Страшно.

МЕДВЕДЬ. Зря. Настоящая война начинается вдруг... (*Кольчугову.*) Если у вас на сегодня проповедей больше нет, то подписывайте документ, Кольчугов, и разойдёмся краями. Меня ждут городские могильщики, вас — посмертная слава. Jedem das Seine, как говорится, каждому своё.

КОЛЬЧУГОВ. Нет, не подпишу.

МЕДВЕДЬ. Тогда подпишите, что отказываетесь подписывать, — мне для отчёта в столицу нужно. Только по каждому пункту: отказываюсь от улицы Мифрила, от пожизненной пенсии, от школы имени Алексея Кольчугова, от книги «Герой нашего города». Что там ещё? Всё подписывайте, всё.

Кольчугов подписывает.

ГАМЛЕТ. Книгу оставь. Герда говорит, это важно. Говорит, что людям нужна правда. Говорит, что Джек сделает всё как надо, что тебе не будет стыдно.

МЕДВЕДЬ. Оставляем книгу?

КОЛЬЧУГОВ. Ладно, книгу оставляем.

МЕДВЕДЬ. Книга без памятника герою — это почти самиздат. Кто будет читать «Муму», если нет памятника Тургеневу? Школьники только, и те из-под палки. Вы же не хотите, чтобы из-под палки?

ГАМЛЕТ. Не хотим. Не хотим же?

КОЛЬЧУГОВ. Не хотим. Детей всегда жалко, жальче всех. Для детей можно.

МЕДВЕДЬ. Ну, хоть что-то. Значит, книга и памятник. Остальное вычеркнули?

КОЛЬЧУГОВ. Безусловно.

МЕДВЕДЬ. Хорошо. Тогда мы на неделю отложим принятие данного решения городским Советом. Вдруг вы ещё с чем-то согласитесь.

КОЛЬЧУГОВ. Не надейтесь.

МЕДВЕДЬ (*забирает у Кольчугова документ*). Тогда будьте здоровы... Война, говорите? Хы-хых.

Медведь с Геннадием встают, чтобы уйти, но в этот момент в бар врываются Гильденштерн, Розенцвайг и Иннокентий.

ГИЛЬДЕНШТЕРН (*Бармену*). Радио! Включай скорее радио!

РОЗЕНЦВАЙГ. Беда, Мифрил! Откуда не ждали.

Бармен спешит включить радиоприёмник.

ИННОКЕНТИЙ. Здравствуйте всем.

Из радиоприёмника диктор вещает суровым голосом: «Сегодня без объявления войны армада Южного Лукоморья вторглась в территориальные воды нашего Отечества. Вероломный враг уничтожил авианосец «Адмирал Рабинович», крейсеры «Ловкий» и «Мечтательный», а также подлодку «Барабинск» в доке острова Буян. Боевой флот врага кроме Буяна захватил острова Пелевина, Собачий Клык и высадил десант на побережье Кордомской бухты. Президент проводит экстренное заседание Совета национального спасения, войска Западного направления в срочном порядке переводятся в режим...»

МЕДВЕДЬ. Достаточно, выключай. (*Бармен выключает радио.*) Н-да, выборы, значит, опять отменяются. А я, грешным делом, думал вас, Алексей Леонтьевич, в председатели горсовета выдвинуть, была у меня такая идея. Что ж, значит не судьба. Вы ведь теперь опять в действующую армию?

КОЛЬЧУГОВ. Это уж как водится.

РОЗЕНЦВАЙГ. Зададим им жару, Мирил!

ГИЛЬДЕНШТЕРН. Разобьём врага в его логове!

ГЕННАДИЙ. Ура! Можем повторить!

БАРМЕН (*ни к кому не обращаясь*). Я знаю: молодые люди — жестокий народ. Ведь они ещё ничего не успели пережить.

МЕДВЕДЬ. Что? Неважно... Так. Так-так-так... Алексей, что у вас с оружием, амуницией, индивидуальной аптечкой скорой помощи?

КОЛЬЧУГОВ. Ничего. Всё сдал по акту каптернамусу, когда увольнялся с военной службы. Да там, по совести, и сдавать-то толком было нечего: лазерный меч затупился до невозможности, а бронежилет был дырявее сапог скорохода на пенсии.

МЕДВЕДЬ. Тогда вот что... Геннадий, конверт. (*Геннадий передаёт давешний пухлый конверт с деньгами Медведю, тот двигает его по столу Кольчугову.*) Не зря старалось купечество. Это на самые первоочередные нужды: возражать глупо, бессмысленно и непатриотично. Сегодня же создадим городской фонд в пользу оснащения героя всем необходимым для подвига.

ГАМЛЕТ. Это правильно.

РОЗЕНЦВАЙГ. Объявим подписку среди студенчества. Так, Сашка?

ГИЛЬДЕНШТЕРН. Обязательно. Девчонки пошлют масхалаты Мирилу на каждый день недели и отольют два, нет, пять ящиков окопных свечей. А мы с тобой, Ефим, организуем в Академии вечер патриотической песни и строя.

МЕДВЕДЬ. Хорошая у нас молодёжь, правильного воспитания. С нужными, как говорится, корнями.

КОЛЬЧУГОВ. Зачем? Меня армия обеспечит всем необходимым.

МЕДВЕДЬ. Знаем мы эту армию. Нет, город не может отпустить своего героя на битву без достойного капиталовложения. От людей будет неудобно. Вам же нужны приличные доспехи, антибиотики, танк, в конце концов. Продукты на первое время, пиво, презервативы, да мало ли.

КОЛЬЧУГОВ. Так-то да, но время дорого, каждый день на счету.

МЕДВЕДЬ. Ну что там лишняя неделя-другая? Никто не победит врага без доблестного Мирила, дорогой вы наш человек, сами же знаете.

ГАМЛЕТ. Хуже не будет, это точно.

МЕДВЕДЬ. Ну и хорошо. А мне пора — могильщики, знаете, заждались уже. Опять большой фронт работ перед ними открывается, непомерный, можно сказать. Нужен городу крематорий, необходим просто. Без крематория в городе

бардак и разложение... Всё, на связи.

МЕДВЕДЬ и ГЕННАДИЙ уходят.

КОЛЬЧУГОВ (*Розенцвайгу и Гильденштерну*). Дураки, значит, во власти?

РОЗЕНЦВАЙГ. Конечно, дураки, но в трудные времена мы все должны сплотиться.

КОЛЬЧУГОВ. Вокруг дураков?

ГИЛЬДЕНШТЕРН. Так если только они призывают к сплочению. Приходится вокруг них.

КОЛЬЧУГОВ. Ладно, идите отсюда, сплачивайтесь.

ИННОКЕНТИЙ. Можно мне остаться? Я же оруженосец.

КОЛЬЧУГОВ. Нельзя. Я позову, когда придёт пора на битву.

ИННОКЕНТИЙ. Не врёте?

КОЛЬЧУГОВ. Честное слово.

ИННОКЕНТИЙ. Ладно.

РОЗЕНЦВАЙГ, ГИЛЬДЕНШТЕРН и ИННОКЕНТИЙ уходят.

ГАМЛЕТ. Опять войны. Тебе не надоело?

КОЛЬЧУГОВ. Времена не выбирают.

ГАМЛЕТ. Тогда по пиву.

КОЛЬЧУГОВ. Кто же встречает войну пивом? Бармен, водки!

БАРМЕН. Обязательно. Прошу.

КОЛЬЧУГОВ (*Бармену*). Как всё быстро меняется: природа, настроение, даже молодёжь. Почему так, бармен? Как это исправить?

БАРМЕН. Работа предстоит мелкая, хуже вышивания. В каждом из них придётся убить Медведя.

КОЛЬЧУГОВ. Он уже там?

БАРМЕН. Он всегда там был. У всех и у каждого.

КОЛЬЧУГОВ. У меня его нет. И не будет никогда.

БАРМЕН. Как скажете... На закуску могу предложить пельмени — это быстро и в духовно-нравственно.

ГАМЛЕТ. Не долма же какая-нибудь, верно?

БАРМЕН. Не могу знать. Вот пока винегрет. Вы кушайте, кушайте.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кабинет генерального директора Фонда Мифрила-освободителя. В руководящем кресле сидит ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ, просматривает документы.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Завод измерительной аппаратуры, средства от субботника — триста девятнадцать тысяч. Благотворительный вечер газеты «Патриотический вестник» — полтора миллиона без малого. Суммируем, заносим в строку расходов «информационное сопровождение подвига»...

Входит ГЕННАДИЙ.

ГЕННАДИЙ. Невозможно работать с этим Кременецким. Я ему говорю: вы должны были нам поставить станки ещё в прошлом квартале. Где, спрашиваю, станки? Вот договор, вот авансирование, вот сроки — а станков нет! Почему? А он мне: «Вы же понимаете, Гонзаго, что с экспортом иноземных комплектующих в стране полный, так сказать, форс-мажор. Смежники не выполнили взятые на себя обязательства, адресуйте им свои претензии». У нас с вами, говорю, договор, у меня к вам претензия, причём тут смежники? Неустойку желаете заплатить? А он такой: «Ну, попробуйте, ведь вы сами предоплату на месяц задержали. Суд предметно разберётся, кто тут прав, а кто виноват».

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. А мы задержали?

ГЕННАДИЙ. Так если горсовет столько времени не утверждал бюджет Фонда на текущий год.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Напомни, что за станки?

ГЕННАДИЙ. Станки для обработки зенитных снарядов, входящих в модельную комплектацию индивидуального танка «Герой нашего города», спецзаказ. Сами же в мэрии защищали эту статью расходов.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. И что теперь?

ГЕННАДИЙ. Не знаю. Вероятно, придётся переносить сроки на четвёртый квартал.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Нехорошо это, не по-божески.

ГЕННАДИЙ. А есть другие варианты?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. На всё воля Господня. Молебен проведём в воскресенье, Создатель даст наущение презреть мирские невзгоды.

ГЕННАДИЙ. О, господи.

Входит БЁРДИН, оставляя за собой дверь кабинета приоткрытой.

БЁРДИН. Общий привет труженикам тыла! Всё куёте беззаветный подвиг героя-освободителя?

ГЕННАДИЙ. Куём, Джек, аж мозоли на ладонях. Привет.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Здравствуй, Евгений. Как съездил?

БЁРДИН. Неплохо, привёз пару миллионов, сдал уже в бухгалтерию.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Хорошо, выходит, принимали, не как в Черноземье?

БЁРДИН. Никакого сравнения. На севере народ грубый, но отзывчивый и зажиточный, что важно. Двадцать тысяч экземпляров реализовал за неделю в пяти городах. Нужно было заказать дополнительный тираж тысяч пятьдесят, а может даже восемьдесят. Но устал, как пехотинец в окружении. Никаких командировок в ближайшие дни. Дайте пару недель отоспаться, нервную систему поправить.

ГЕННАДИЙ. Тогда в бар нервы лечить? Я уже отчитался.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Подожди, Гена, мне доскональную картину нужно — Иван Петрович спросит, не применёт. Подробнее, Женя: как настроение там, какие вопросы задавали, много ли билбордов в городах по нашей тематике?

БЁРДИН. Ну как? Там, где ещё радио не запретили, дали утренний эфир, рассказал, как шла работа над мемуаром. Доподлинно местную топографию не изучал, но на центральных проспектах, по которым меня возили, считай, на каждом перекрёстке большая реклама с портретом Мирила и призывом читать

книгу «Алексей Кольчугов: история героя». На встречах с читателями много вопросов о детстве и юности: как он учился в школе, каким был в Академии, с кем дружил, кого слушал из старших? Ничего неожиданного, все вопросы в русле заготовленных ответов, согласно методической инструкции Фонда.

ГЕННАДИЙ. Без провокаций обошлось?

БЁРДИН. Как-то удивительно, но да. Ни одного вопроса, почему Алексей ещё не на фронте. Верят, надеются, ждут. Собственно, что им ещё остаётся? Дела в действующей армии плачевые, лукоморцы уже к Приозерью подступают, несмотря на бравурные рапорты генштаба...

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Поаккуратнее, Евгений. Давай без пораженческих разговоров.

ГЕННАДИЙ. Он не к тому, отец Леонтий. Он к тому, что вера в Мифрила иррациональна и трансцендента, уповаает электорат на Кольчугова. А значит, и на нас, на наш город, как на колыбель героя, со всеми политическими и экономическими вытекающими перспективами. Да, Джек?

БЁРДИН. Ну, примерно.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Господь терпел и нам велел. Наш народ всё вытерпит: войну, голод, холод, лагеря, цензуру, отмену свобод, лишение прав, доносы соседей — лишь бы Родину защитить от лукоморского фашизма.

БЁРДИН. Если бы мы не насрали себе в штаны, нам бы насрали солдаты Лукоморья.

ГЕННАДИЙ. Это что такое сейчас было?

БЁРДИН. Ничего, это я по привычке.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. В дни моей молодости слово «пукнуть» считалось в обществе неприличным, а сейчас идёшь в храм, а пред тобой группа юнцов туда же спешит. И они все как один общаются меж собой похабными словами, и девушки не отстают. Остановишь их, внушение отеческое сделаешь — а они не понимают! Они считают это нормальным! Пожимают плечами: все вокруг так говорят, почему нам нельзя? Куда катится этот мир?

БЁРДИН. Так что ж они неправильно сказали? Этот мир прикатился ровно туда, где кроме как словом «жопа» его описать невозможно. Вашими, в том числе, стараниями, вашего поколения с оттопыренным мизинчиком. Вот и сместилась языковая норма в пользу правды жизни, а не ваших представлений о благочестии. Получите и распишитесь.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Всё не так однозначно, Евгений, и вот почему...

В кабинет входит МЕДВЕДЬ. Все встают.

МЕДВЕДЬ. Садитесь. (*Все садятся.*) А у вас тут, гляжу, дискуссия на предмет допустимой нормативности ненормативных выражений.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Мне, право, невместно, но приходится.

МЕДВЕДЬ. Да, трудно в наше время называть вещи своими именами, без эвфемизмов.... Ладно, оставим пока. Бёрдин, докладывай.

БЁРДИН. Весь тираж реализован, три эфира на радиостанциях, десять благотворительных читок. Плановое задание выполнено.

МЕДВЕДЬ. Благодарю за службу. Премируем в конце месяца.

БЁРДИН. Приятно слышать.

МЕДВЕДЬ. Про станки эти знаю, с кондакка тут не решить — за Кременецким в Сенате стоит Сайфуллин, тут думать нужно... Сколько сегодня на балансе?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ (*роется в бумагах*). Утром было пятнадцать

миллионов... Сейчас... Сейчас вместе с бёрдинскими восемнадцать миллионов восемьсот тысяч с копейками.

МЕДВЕДЬ. Хорошо. Черкни, отец Леонтий, расходник в бухгалтерию на три миллиона — мне занести в столице кой-кому нужно. (*Кивает на Геннадия.*) На его имя.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Обязательно. (*Пишет распоряжение.*) Вот, готово.

МЕДВЕДЬ (*Геннадию*). Ступай в кассу, потом жди у машины.

ГЕННАДИЙ берёт бумагу, уходит.

Теперь к главному: как там наш герой? До меня доходят разные слухи.

БЁРДИН. Я прямо с поезда, две недели в городе не был.

МЕДВЕДЬ. С тобой потом... Как у них там с Ильзой, отче? Как внук?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Растёт Игорёшка не по дням, а по часам, в субботу полгодика исполнится. Кушает хорошо.

БЁРДИН (*достаёт из кармана фигурку, ставит на стол*). Вот, чуть не забыл: передайте Игорьку от дяди Джека, Леонтий Богданович. Песец ему, из морожового клыка.

МЕДВЕДЬ. Песец пока откладывается, я про внука для связки слов спросил... Какие настроения в семье? Вот что сегодня главное.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Трудные настроения. А каким им быть ещё в текущей ситуации? Скандалные, можно сказать, настроения у Лёши, как у любого порядочного человека.

МЕДВЕДЬ. Нам, раз мы эту кашу заварили, нужен теперь не порядочный человек, а такой, который сможет победить. Несмотря на семейные обстоятельства.

БЁРДИН. По-разному бывает. У меня первый развод вполне себе мирно прошёл. Со вторым натерпелся, конечно.

МЕДВЕДЬ. В вытрезвителе, говорят, он вчера ночевал?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Не без того. Шибко переживает.

МЕДВЕДЬ. Все мы люди, это я по-человечески понимаю, но как-то бы в рамках себя держать. В городе-то ладно, в городе мы слухи пресечём, а ну как в Суздале про моральный облик народного героя заговорят, в Верхней Пышме, в Называевске? До столицы молва может дойти, а там за дискредитацию федерального проекта уголовная статья и урезание бюджетов. Ферштейн?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Воистину, ферштейн.

БЁРДИН. Нет, на людях Лёшка хорошо держится, тут не отнять. Я в этой командировке его интервью по столичному радио слышал: очень грамотно он призывал к защите Отечества, обещал скорую и неминуемую кончину врага. Солидно говорил, с грозной слезой в голосе. Сосед по купе послушал и сразу коњяк достал, чтобы за победу со мной выпить. Потом ещё три книжки купил — себе, тёще и сыну в школьный уголок Мифрила... Ничего, это кризис среднего возраста, со всяким бывает. Пройдёт.

МЕДВЕДЬ. Надеюсь... Что ж, работайте, больше не смею мешать. Мне ещё в крематорий, там собрание акционеров, миноритарии совсем распоясались. Успехов в труде.

МЕДВЕДЬ встаёт, идёт к выходу, берётся за ручку двери, оборачивается.

Так что у нас, отец Леонтий, нынче наблюдается в окружающей атмосфере?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Что?

МЕДВЕДЬ. Подсказываю: круглая, большая и полная.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Да, конечно. Попа.

МЕДВЕДЬ. Что?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Жопа.

МЕДВЕДЬ. Вот именно.

МЕДВЕДЬ уходит. ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ и БЁРДИН подходят к окну и машут вслед садящемуся в машину хозяину города.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В сквере у фонтана сидят ИЛЬЗА и ГЕРДА, едят мороженое.

ГЕРДА. Да, хорошую няню найти нынче большая проблема.

ИЛЬЗА. А главное, я ей говорю: «Не ложьте вы зеркало в тумбочку, а она ложит и ложит!»

ГЕРДА. Нет такого глагола «ложить»! Мы же не рынке, голубушка! Если не свой авторитет, то хотя бы уши наши пожалейте! (*Обе смеются.*)

ИЛЬЗА. Как-то так, да. Ну да бог бы с моими ушами, но ребёнок-то в чём провинился? Он же сейчас практически с молоком матери впитывает родную речь, а у няньки «ложат и ложат».

ГЕРДА. А может, мы слишком многое хотим от людей? Никто не обязан соответствовать нашим представлениям о прекрасном.

ИЛЬЗА. Так я же не для себя, я для Игорёшки. Мы-то ладно, мы как-нибудь всё это переживём, а детей жалко, они точно не заслужили. Детей нужно оградить от дурновкусия, от сигарет и алкоголя, от порнографии и лукоморского разврата. Да от всего их надо оградить! Ты просто пока этого не понимаешь.

ГЕРДА. Ты стала говорить, как Генрих.

ИЛЬЗА. А ты хотела, чтобы я по-прежнему брала пример с Кольчугова?

ГЕРДА. Не знаю, я же не ты.

ИЛЬЗА. Вот именно... Прости, я не хотела. Надоело это всё хуже войны.

ГЕРДА. Когда следующий суд?

ИЛЬЗА. Во вторник, а что толку? Судья не даст развода, пока не будет указания от Медведя, сама же знаешь.

ГЕРДА. Но суд может хотя бы разрешить тебе съехать и жить отдельно.

ИЛЬЗА. И тем самым разрушить святой образ героя-освободителя? Типа, герой-то он герой, а жена от него ушла с ребёнком... Нет, нереально.

ГЕРДА забирает у ИЛЬЗЫ обёртку от мороженого, выбрасывает мусор в урну, возвращается обратно.

А как у вас с Джеком?

ГЕРДА. Да никак. Он сам по себе, я отдельно. Встречаемся раз в месяц для здоровья — вот и вся любовь. Одиночество и одиночество даёт в сумме одиночество, если нет искры зажигания.

ИЛЬЗА. Но ведь она была, я видела.

ГЕРДА. Была. Пока Джек книгу писал, была. Он загорелся вначале — и мне от того огня доставалось малость, мне хватало. А потом пошли решительные правки от заказчика, книга превратилась в печатный станок гонорара, огонь

поутих, потом совсем погас. И кончилось тепло, только умирающие огоньки над золой остались. Да и их уже нет, считай.

ИЛЬЗА. Печально всё это.

ГЕРДА. Потому что твой Кольчугов герой, а Бёрдин — нет и никогда им не был. Мне проще. А с героем никогда просто не бывает. Его все вокруг любят, и тебе приходится каждый раз объясняться с собой — хорошо, пусть он герой, но уже не моего романа.

ИЛЬЗА. Тень.

ГЕРДА. Что?

ИЛЬЗА. Тень героя. Осталась только тень... А вот и она. Тень, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Город был настолько маленьким, что жителям его деваться друг от друга было просто некуда.

К ИЛЬЗЕ и ГЕРДЕ подходит КОЛЬЧУГОВ, садится рядом.

КОЛЬЧУГОВ. Здравствуй, Герда. Спроси у подруги, почему она на полдня оставляет Игорька с няней, если няня ей активно не нравится? Может быть, эта дура-нянька прямо сейчас учит сына плохому, пока мама гуляет по магазинам? А папа у нас гадкий, папа пьющий, папа сына хорошему не научит.

ИЛЬЗА. Не паясничай.

ГЕРДА. Слушайте, разбирайтесь сами, я-то тут причём?

ИЛЬЗА. Пойдём, Герда. Сейчас начнётся ежедневное унылое представление.

КОЛЬЧУГОВ. Стоять!.. Ну, пожалуйста, Ильза, поговори со мной. Будь ты человеком. Герда, скажи ей.

ГЕРДА. Ильза, будь человеком.

ИЛЬЗА. А смысл?.. Ладно, говори. Тебе есть что сказать, кроме очередных написанных утром дурных стишков? Потому что вчерашние я уже слушала.

ГЕРДА. Каких стишков?

ИЛЬЗА. Представь, собственного сочинения. Новая грань героя: Мифрил-стихотворец. Вторую неделю сражает мир поэтической строфой. Подвиг графомана, часть первая.

ГЕРДА. Я не знала. Мне бы было приятно. Исполни чего-нибудь, Лёша.

ИЛЬЗА. Я тебя умоляю.

КОЛЬЧУГОВ. Нет, не буду. Она не хочет... У меня тут другое. (*Достаёт из кармана конверт.*) Мне пришло письмо.

ИЛЬЗА. Они там в Фонде мешками их получают, не знают, куда уже складывать, мне Геннадий жаловался.

КОЛЬЧУГОВ. Генрих твой сволочь и подлец, он ничего не понимает ни в стихах, ни в людях. Но не о нём речь... Это письмо батя утром с посыльным передал. Говорит, важное, с фронта. Я с фронта не люблю, но прочёл по рекомендации и вам теперь хочу прочитать.

ИЛЬЗА. Нам не интересно. Пойдём, Герда.

КОЛЬЧУГОВ. Ну, будьте вы людьми! Не так уж много вокруг меня людей осталось. Тем более, автор вам знаком.

ГЕРДА. У меня, кажется, никого на войне из знакомых нет.

ИЛЬЗА. И у меня уже нет... Что ж, заинтриговал, читай.

КОЛЬЧУГОВ (*разворачивает письмо*). «Здравствуйте, уважаемый Алексей Леонтьевич. Вот я и в действующей армии. Ускоренный курс в училище командного состава окончил с отличием, получил назначение в гвардейскую

Виттенбергскую орденов Орла и Рака с двумя клешнями бригаду специального назначения. Принял под командование почётную роту имени Мифрила-победоносца. Стоим мы в резерве главного командования, комбриг — исполняющий обязанности до явления в расположение Алексея Кольчугова. У нас и уголок вашего имени в клубе оформлен, и кровать примерно заправленная с вашим портретом в изголовье ждёт своего хозяина, и памятник Мифрилу установлен на плацу, мы вокруг него маршируем. Осваиваем науку побеждать с достойным усердием: вчера весь день упражнялись в рукопашном бою, сегодня вернулись сочных стрельб, завтра двухдневный марш-бросок по пересечённой местности. Бойцы в моей роте дружные, по всем показателям подразделение занимает первые места в бригаде — да и быть по-другому не может, если рота носит имя Алексея Кольчугова. Ребята каждый день меня спрашивают, какой вы ростом, строгий или нет, много ли шрамов на вашем мужественном теле? Рассказываю всё им про вас обстоятельно, потому что книга Евгения Бёрдина очень хорошая и правильная, но личные впечатления есть личные впечатления. Меня даже приглашали в штаб армии прочесть специальный доклад для генералов и старших офицеров о личных впечатлениях от общения с легендарным героем...»

ИЛЬЗА. Кто бы это мог быть? Всю голову себе сломала.

ГЕРДА. И у меня идей никаких.

КОЛЬЧУГОВ. Не торопитесь, дослушайте до конца. «... Командарм в итоге наградил меня почётной грамотой и кортиком с нефритовой рукоятью, хоть мне и не положено, потому что вручается он за первое успешное действие на поле боя. Но начальник политуправления сказал, что факт моего личного общения с Мифрилом равнозначен взятию батальонного командного пункта, потому что вызывает у личного состава воодушевление и готовность к подвигу. Так что я получил первую свою награду без участия в боевых действиях и оттого мне немного стыдно, несмотря на заверения высокого командования. На политзанятиях нам каждый день рассказывают о завершающемся процессе вашей экипировки в нашем городе, после которой вы появитесь в войсках, и мы сразу же нанесём последний сокрушительный удар по врагу, как это у вас всегда водится. А ещё час назад поступил приказ грузиться в среду по эшелонам для отправки на фронт. Я не должен раскрывать этой военной тайны, но полагаю, что вам любую военную тайну можно раскрыть. Тем более, что к тому времени, как мы приедем на линию боевого соприкосновения, вы уже и сами наверняка присоединитесь к вверенному вам соединению. Так сказано в приказе по армии, а боевые приказы — это не шутка, а официальный документ строгой отчётности. В общем, с нетерпением жду встречи для дальнейшей службы под вашим непосредственным командованием. Верный вам ординарец Иннокентий. Двадцатого января сего года. Постскриптум. А постер с вашим автографом лежит у меня в сейфе с секретной документацией. И даже не лежит, а наклеен на дверцу. Каждый раз, открывая сейф по служебной надобности, встречаю ваш взгляд и сразу на душе становится спокойно, потому что знаю: враг будет разбит, победа будет за нами».

ИЛЬЗА. Слушай, так это тот самый мальчишка, который приходил в бар во время встречи тебя после прошлой победной кампании.

ГЕРДА. Точно, смешной такой, пухлобубый, насупленный.

ИЛЬЗА. Да, растут дети.

ГЕРДА. Растут.

ИЛЬЗА. Каким-каким числом письмо датировано?

КОЛЬЧУГОВ. Двадцатым января.

ГЕРДА. Полгода назад отправлено.

ИЛЬЗА. Что ж, так уж у нас теперь военно-полевая почта работает... Герда, пошли?

КОЛЬЧУГОВ. И это всё, что вы мне можете сказать?

ИЛЬЗА. А что ты хотел услышать? Чтобы мы ужалили в твоё уязвленное самолюбие? Чтобы озвучили невысказанный народами вопрос: где Мифрил, если уже вчерашиние дети воюют?

КОЛЬЧУГОВ. Я тебе просто не нужен, я тебе мешаю. Тебе всё равно, как я исчезну из твоей жизни: через развод, через геройскую смерть на войне или пусть меня переедет трамвай.

ИЛЬЗА. Это ты сказал, не я.

КОЛЬЧУГОВ. Не дождёться.

ИЛЬЗА. Это тоже ты сказал. Лучше напиши мальчику Кеше на фронт, чтобы он тебя не дожидался.

ГЕРДА. Хватит, Ильза. Зачем ты так зло с Лёшкой? Он не заслужил.

ИЛЬЗА. Думаешь?

ГЕРДА. Да.

ИЛЬЗА. Ладно. Не пиши Кеше ничего, герой. Не нужно расстраивать мальчика... Мне пора. Ты со мной, Герда?

ГЕРДА. Конечно.

ИЛЬЗА и ГЕРДА уходят.

КОЛЬЧУГОВ. Какая же она... Аж руки трясутся. Если бы не сын... И ведь она его таким же вырастит, себе подобным, — чтобы ни чести, ни отваги, ни достоинства. Никто не назовёт гимназию именем Игоря Кольчугова. И кончится на том наша фамилия... Всё — на фронт, на фронт, давно пора. Страшно не на подвиг идти, а жить без перспективы подвига.

К КОЛЬЧУГОВУ со спины подходит ГАМЛЕТ.

ГАМЛЕТ. Только литературные герои красиво изъясняются сами с собой, чтобы донести свои тонкие переживания до читателя. А здесь никого нет.

КОЛЬЧУГОВ. Это для тебя нет, потому что ты грубый бездушный человек без фантазий.

ГАМЛЕТ. Фантазия уместна в сумасшедшем доме, там человек без фантазии числится инвалидом. А мы, брат, в реальном мире, оглянись вокруг... Ау, люди! Слышили ли вы моральные терзания героя?.. Нет, никто не слышит. Пусто, как в аквариуме без воды. Только эхо.

КОЛЬЧУГОВ. Кто-нибудь да услышит. Ты же услышал.

ГАМЛЕТ. А кто меня только что обозвал грубым бездушным человеком?

КОЛЬЧУГОВ. Я не специально.

ГАМЛЕТ. Я знаю... Встань-ка.

КОЛЬЧУГОВ. Чего?

ГАМЛЕТ. Встань, говорю. Боком повернись, вот так. Всё, садись.

КОЛЬЧУГОВ. Меня в ментуре так недавно исследовали и фотографировали — в анфас и в профиль.

ГАМЛЕТ. А потом что?

КОЛЬЧУГОВ. Ничего. Батя залог внёс, отпустили... А тебе-то зачем мой

профиль понадобился?

ГАМЛЕТ. На живот полюбоваться. Разжирел ты, Мифрил, на гражданке, вот что я тебе скажу. Нехорошо для здоровья, прямой путь к гипертонической болезни.

КОЛЬЧУГОВ. А чего они все?

ГАМЛЕТ. Ничего, добра тебе хотят. Пива наливают, откармливают хорошо героя. Потом съедят, конечно.

КОЛЬЧУГОВ. Если меня совесть до того не сложет, крысу тыловую.

ГАМЛЕТ. Ничего, терпи. Ещё немного и отправим тебя всем миром на подвиг.

КОЛЬЧУГОВ. Скорее бы уже.

ГАМЛЕТ. Но лишний вес сбрасывать нужно, чтобы героическим картинкам соответствовать... Зарядку делаешь? Сколько раз подтягиваешься на турнике?

КОЛЬЧУГОВ. Тридцать.

ГАМЛЕТ. Ой, не ври. Вон там за павильоном спортплощадка. Спорим, что и двадцать раз не подтянешься?

КОЛЬЧУГОВ. На что?

ГАМЛЕТ. На стыд. Врать стыдно.

КОЛЬЧУГОВ. Не верить другу ещё стыднее.

ГАМЛЕТ. Вот и посмотрим, чья совесть лучше и качественнее. А вечером в баре кто проиграл, тот и объявит громко: «Совсем я стыд потерял!» И объяснит, почему.

КОЛЬЧУГОВ. Ладно, пошли. Я вам всем докажу.

КОЛЬЧУГОВ и ГАМЛЕТ уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В городском Совете, где проходит доклад ревизионной комиссии Фонда Мифрила-освободителя, в кабинете председателя читает газету МЕДВЕДЬ. Из зала заседаний доносится голос Геннадия: «Таким образом, мы считаем, что средства Фонда в первом полугодии были использованы строго по назначению с учётом необходимых издержек и противовесов. В час, когда над Отчизной простёрлись чёрные крыла невзгоды и бездорожья, когда на страну проливается град истерического равнодушия, а враг хлебает полной мерой свою неправедную ложь и бездуховность, мы все как один должны показать отчётливую статистику, чтобы никому неповадно было приукрашивать и отлынивать от свершений...» В кабинет входит БЁРДИН.

БЁРДИН. Здравствуйте.

МЕДВЕДЬ. Это ты ему текст выступления писал?

БЁРДИН. Так если больше некому. А что?

МЕДВЕДЬ. Ничего, тонко сработано.

БЁРДИН. Для депутатов же, на понятном для них языке. Если пожелаете, я в следующий раз гекзаметром напишу.

МЕДВЕДЬ. Не нужно. Гекзаметром — это вычурность и излишнее напряжение слуха.

БЁРДИН. Что ж, обещаю и впредь странною лирой не бредить.

МЕДВЕДЬ. Это правильно, не нужно стремиться к геройству. Во-первых, это опасно для здоровья, а во-вторых, что простительно быку, непростительно прочим козлам.

БЁРДИН. К чему здесь познавательная зоология?

МЕДВЕДЬ. К тому что, ты можешь хоть на гекзаметр изойтись, хоть на верлибр, а народной любви не дождёшься. Потому что не герой.

БЁРДИН. Да я вроде не стремлюсь.

МЕДВЕДЬ. А хоть бы и стремился — моего интереса к пешкам нет. Только к фигурам... (*Протягивает газету.*) Вот здесь почитай.

БЁРДИН (*читает*). «Премьера рубрики «Стихи героя». Как стало известно редакции, наш легендарный Мифрил вдруг открыл в себе поэтический талант... выразительные рифмы... смелые метафоры начинающего героического поэта... тревога за судьбы Отечества...»

МЕДВЕДЬ. Это пропусти. Давай сразу к стишку, хочу на слух со стороны.

БЁРДИН. «Как-то странно, вы не находите,

видеть ссучившийся финал?

Вы со сцены тайком уходите,

чтобы зритель не запинал.

Да, не вы драматург истории,

да, не вы выбирайте роль

быть служителем крематория,

причиняя попутно боль

и себе, и родне, и зрителям,

непричастным...»

МЕДВЕДЬ. Достаточно. Что скажешь?

БЁРДИН. Ничего. Дрянь стихи. Но любим мы его не за это.

МЕДВЕДЬ. А за что? За былые подвиги? Или за нынешнее пьянство, за дебоши, за семейные скандалы? За что? Я не понимаю... Я же всем вам показал, чего этот пошлый графоман стóит на самом деле. Уже и публикацию приказал подготовить в газете, каждую неделю в этой рубрике будет печататься Алексей-стихотворец... Он же бездарен, ваш герой вчерашнего времени. Бездарен во всём: в поэзии, в семейной жизни, в политике, в бизнесе. Да какой там бизнес, он же ни копейки в своей жизни ни руками, ни головой не заработал! Он живёт, бессмысленно проедая своё прошлое. Почему я один это вижу?.. Слушайте, нельзя же так. Мне ничего не стоило сразу отправить героя на фронт, на верную смерть. И всё бы давно разрешилось самым простым и естественным образом: почётные похороны, траурный салют, пройдут пионеры — салют Мифрилу! Но стыдно убивать героев для того, чтобы растрогать холодных и расшевелить равнодушных. Это скучно, это всего лишь устранение с доски центральной фигуры. А партия выигрывает не ферзями, а лёгкими слонами и пешками. Да, пешками! И пешки должны забыть про ферзя, если хотят пробиться вперёд. Но они же не хотят вперёд, они стремятся всю жизнь прожить в отблесках чужой славы! А ферзь в этой партии как стоял, так и стоит на клетке d1, пока головы пешек и слонов рубятся направо и налево чёрными фигурами. Он не желает выйти за пределы клетки, он боится. И как мне заставить людей раскрыть глаза, увидеть что на нём свет клином не сошёлся, что у пешек может быть своя, отдельная от шахматной доски жизнь, что ферзь-то голый, никчёмный и трусливый?.. Не знаю. В этом городе живут очень странные люди.

БЁРДИН. А вы сами присутствуете в этой партии?

МЕДВЕДЬ. Конечно.

БЁРДИН. В качестве короля.

МЕДВЕДЬ. Королю не нужно бегать по всему полю, чтобы рубить врагам чёрные когти. Ему достаточно твёрдо стоять на своём месте и делать короткие правильные ходы.

БЁРДИН. Да, король главная фигура. Но и королю присуща зависть к ферзям. Ферзи ведут битву, короли выигрывают. Или проигрывают, тут уж как повезёт. МЕДВЕДЬ. Ишь ты, зависть... Впрочем, неважно. Ты мне объясни, не поленись, почему никто не видит, что Алексей Кольчугов обычный трус и приспособленец? Чем этот подлец лучше меня?

БЁРДИН. Только одним: он живой.

МЕДВЕДЬ. Это недолго. А я, по-твоему, мёртвый?

БЁРДИН. Внешне нет.

МЕДВЕДЬ. Может быть, мне стихи начать писать?

БЁРДИН. Зачем? Одного графомана на город вполне достаточно.

МЕДВЕДЬ. Хорошо. Тогда первому графоману пора ехать на подвиг. Будем завершать эту затянувшуюся партию.

БЁРДИН. Да, пожалуй.

МЕДВЕДЬ набивает трубку, БЁРДИН просматривает газетные страницы. В зале заседаний ГЕННАДИЙ заканчивает свой доклад: «Мнение членов ревизионной комиссии безраздельно и однодушно: Фонд Мирила-освободителя за истёкий период полугодия уложился в план и смету утверждённых мероприятий. Городскому Совету предлагается принять предложенную резолюцию и направить её для дальнейшего опубличивания на радио и в сопроводительные документы. Таким образом, мы ускорим продвижение наших идей и внесём трудоёмкий вклад в победу над вражескими измышлениями. Слава державе! Слава Президенту! Герою слава!.. Я кончил доклад».

После паузы председательствующий озвучивает результат голосования: «Весь депутатский корпус единогласно поддержал выводы ревизионной комиссии. Теперь нет никаких сомнений в том, что почётный гражданин города Алексей Кольчугов убудет на подвиг не позднее конца текущего года. Спасибо, заседание окончено». Из зала доносится ровный гул расходящихся депутатов. ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ открывает дверь в кабинет, объясняя кому-то за спиной:

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Здесь у вас сейчас Иван Петрович меня дожидается для конфиденциального разговора. Уж простите великодушно, господин председатель. Вы погуляйте пока, кофе в буфете попейте... Спасибо, храни вас Господь. (Входит, закрывает за собой дверь.) Всё, отмаялись. Принята резолюция.

МЕДВЕДЬ. Не нужно её на радио. Радио с сегодняшнего дня запрещается, горожанам достаточно газет.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. А как же?.. Ну да, ну да.

БЁРДИН. И пришёл конец безграничному феерическому либерализму.

МЕДВЕДЬ. И Фонд закрывается.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Но мы ведь... Да, конечно.

МЕДВЕДЬ. У вас возражения, отче?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Нет возражений... Но танк ещё недооснащён в полной мере, и в аптечке не хватает трёх килограммов парацетомола.

МЕДВЕДЬ. За какое время сможете решить вопрос?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Полгода, а лучше девять месяцев.

МЕДВЕДЬ. Даю три дня.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Но как же? Три дня только заявка на парацетомол составляться будет.

МЕДВЕДЬ. Руку целуйте.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Что? Как?

МЕДВЕДЬ. Встал на колени и руку мне целуй. Тогда дам ещё три месяца.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ устремляется к МЕДВЕДЮ.

МЕДВЕДЬ. Стоять на месте! Там опустился на колени и потом ползёшь на них сюда.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ крестится, в коленопреклонной позе ползёт к МЕДВЕДЮ, целует руку. Остаётся на коленях.

МЕДВЕДЬ. Что? Не слышу.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Со всем своим неописуемым восторгом. С несказанной благодарностью.

МЕДВЕДЬ (*встаёт*). Три месяца. Через три месяца назначаем торжественные проводы героя. Сообщишь дату Гонзаго, пусть пришлёт мне план мероприятий.

МЕДВЕДЬ уходит.

БЁРДИН. Поднимайтесь, Леонтий Богданович. Давайте, помогу.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Спасибо, Женя.

БЁРДИН. Вот сюда садитесь, пожалуйста. Дышите ровно — вот так, вот так.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Страшная сцена, богомерзкая, правда?

БЁРДИН. Ничего, я привычный.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. У тебя же двое деток?

БЁРДИН. Да, Ксюша и Джемма.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Девочки. А у меня мальчик.

БЁРДИН. Мальчик Мирил.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Кому Мирил, а мне Алексей, Алёшенька, сынок — точно как в той давно забытой песне... Ты же знаешь, матушка у нас померла, когда ему седьмой годок шёл. Потом на моих руках рос: первый класс, первый разбитый нос, первая сигарета, первая любовь, первый бой, первое ранение, первый подвиг... Он у меня в руках плакал, когда девушка его бросила, в школе ёшё. Не с кем ему было больше эту беду пережить. И как он боялся на первый свой подвиг идти, никто не знает, кроме меня. И нынешняя вся его боль через меня проходит — не через тебя, не через Гамлета, не через Медведя, да скормят его черти свиньям в аду...

БЁРДИН. Изысканно.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Не перебивай... Он у меня один, Лёшка, остался. Мне эта ваша война, эти подвиги, эта народное поклонение герою никуда не упали. Пусть будет живой: пьяный, разведённый, безработный, всеми брошенный — только живой. Я хвалу Господу каждый день возношу, что к Фонду этому приставлен. Потому что каждым распоряжением, каждой бумажкой, каждым телефонным звонком оттягишаю его отправку к месту исполнения подвига. Мне не его подвиг нужен, мне нужен живой сын. Не икона,

не посмертная легенда, не улица павшего героя, а сынок, которого рукой потрогать могу. Тёплого. Да я ради этого весь город на коленях к Медведю проползу, что угодно ему поцелую, только бы хоть на день, на неделю отсрочить неизбежное. Отменить этот никому не нужный подвиг. Никому. Ни-ко-му.

БЁРДИН. Понимаю.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Нет, не понимаешь. У тебя девочки... А у меня есть ещё три месяца, целых три месяца. А тут делов-то — четыре метра на коленях проползи.

БЕРДИН. Пожалуй, шесть.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Не спорь со старшими, прокляну.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Бар украшен весёлыми гирляндами и растяжкой «Город провожает своего героя». С улицы слышны фейерверки, овации, музыка оркестра. БАРМЕН читает вслух книгу Толкиена.

БАРМЕН. «Властелин Чёрной Башни обладал оружием, действовавшим куда быстрее, чем голод. Это были страх и отчаяние...» (Закрывает книгу.) Чего-чего, а страха и отчаяния у нас тут сегодня полное меню... (Спрашивает кухню.) Валера, ростбиф «Кровь отщепенца» оставить?.. (Голос повара: «Нет, говядину свежую не завезли».) Хорошо... (Вычёргивает ростбиф из меню.) А салат «Героический»?.. (Голос повара: «Если ленточки для подачи остались, — не вопрос».) Да сколько угодно... (Бармен достаёт из недр стойки ворох георгиевских лент, передаёт в окошко повару.) В принципе, бар к безудержному веселью готов... (Вновь открывает книгу.) Эх, Фродо, Фродо...

В бар входят КОЛЬЧУГОВ и ИЛЬЗА, здороваются с БАРМЕНОМ, садятся у стойки.

ИЛЬЗА. Что ж, сегодня ты был в ударе. Это неожиданно. Даже как-то вдруг выпрямился, постройнел, живот втянул. Или это результат липосакции в косметической клинике «Галадриэль»? Герда, говорит, что встречала тебя там рядом на прошлой неделе.

КОЛЬЧУГОВ. Нет, это турник и приседания плюс отказ от сладкого.

ИЛЬЗА (Бармену). Мне воды.

КОЛЬЧУГОВ. Мне тоже.

ИЛЬЗА. Прямо так и воды? Не водки, не пива, а простой воды?

КОЛЬЧУГОВ. Нужно держать себя в форме, мне завтра на подвиг.

ИЛЬЗА. Чудны дела твои, господи... Подожди, только узнаю, как там Игорёшка. (Звонит по телефону.) Это я. Он поел?.. Да не «ложит», а «кладёт»! Сколько можно повторять?.. Нет, пусть спит. Буду часа через два. (Убирает телефон.) Зевает твой наследник, набегался и спать хочет.

КОЛЬЧУГОВ. Прямо так и набегался?

ИЛЬЗА. Он хорошо уже ходит. От кроватки до кухни иной раз своими ножками умеет. (После паузы.) Сам увидишь.

КОЛЬЧУГОВ. Я?

ИЛЬЗА. Ты. Сегодня будешь ночевать дома.

КОЛЬЧУГОВ. Я?

ИЛЬЗА. Если будешь повторять одно и то же, передумаю. «Йа, йа, натюрлих» — чисто немец какой.

КОЛЬЧУГОВ. Давай шампанского? За мир.

ИЛЬЗА. Ты думай, всё-таки, что говоришь.

КОЛЬЧУГОВ. Да я не про то — я за мир между нами, между тобой и мной.

ИЛЬЗА. Я понимаю, но за слова положено отвечать по законам военного времени. Не посмотрят, что ты герой с предписанием на подвиг... Бармен, шампанского.

БАРМЕН. У нас только отечественное.

ИЛЬЗА. Что, Медведь даже по такому случаю не обеспечил поставку из Франции?

БАРМЕН. Он мне не докладывает.

КОЛЬЧУГОВ. Давай что есть.

БАРМЕН. Как скажете. (*Подает фужеры с шампанским.*)

КОЛЬЧУГОВ (*Ильзе*). За тебя, любовь моя.

ИЛЬЗА. За тебя, мой герой... Бармен, найди в эфире подходящую романтическую песню.

БАРМЕН. Гм.

ИЛЬЗА. Ах, да. Ну, пластинку поставь соответствующую, хоть они все и переслушаны на тысячу раз.

БАРМЕН ставит на проигрыватель что-то из Джо Дассена. КОЛЬЧУГОВ и ИЛЬЗА начинают танцевать. В бар входят МЕДВЕДЬ, ГОНЗАГО и ГЕННАДИЙ, садятся за столик у окна.

МЕДВЕДЬ. Строго говоря, в городе сегодня праздник.

ГЕННАДИЙ. Бармен, слышал? Сегодня праздник со слезами на глазах, а не День святого Валентина!

БАРМЕН останавливает пластинку. КОЛЬЧУГОВ и ИЛЬЗА садятся за отдельный столик. БАРМЕН ставит «Прощание славянки».

МЕДВЕДЬ. За день упашешься, как лось, выберешься в кои-то веки развлечься культурно, но везде шум, гам. Невозможно отдохнуть по-человечески.

ГЕННАДИЙ. Бармен, выключай свою шарманку!

БАРМЕН выключает радиолу.

ГОНЗАГО. Гена, сынок, распорядись... Как вам сегодняшнее мероприятие, Иван Петрович?

ГЕННАДИЙ уходит к БАРМЕНУ, изучает у стойки меню, возвращается с бутылкой и «героическими» салатами на подносе.

МЕДВЕДЬ. В целом, неплохо. Герой вёл себя подобающее, его речь про защиту Отечества прозвучала прилично, торжественные дети тоже не подвели. Танк смотрелся с достоинством, только слишком много розового цвета на башне, глаза режет. Но, в общем, уровень выдержан, не стыдно за родной город.

ГОНЗАГО. Прикажете установить на площади триумfalную арку по праздничному случаю? Департамент строительства подготовил проект.

МЕДВЕДЬ. Одобряю. Но скромную, не выше второго этажа гимназии. С такой, знаете, строгой субтильностью, без новомодных девиаций.

ГЕННАДИЙ. С чем?

МЕДВЕДЬ. И тендер назначьте на торжественную кремацию тела героя. Мы не можем ждать милостей от природы, в столице могут перехватить инициативу.

ГЕННАДИЙ. А тендер зачем? У нас же один крематорий.

ГОНЗАГО. Так положено. Могут и иногородние подрядчики вписаться.

МЕДВЕДЬ. Именно. Позвоните завтра в Копейск, пусть оформят заявку.

Сообразят как оформить, не первый год с ними на муниципальных заказах работаем.

ГЕННАДИЙ. Да, всё для бюджета, всё для города. Искренне восхищаюсь, вашим талантом, Иван Петрович. От всей души.

МЕДВЕДЬ. Душу, юноша, беречь нужно, придерживать, не растрачивать по пустякам. Целее будет.

БАРМЕН приносит КОЛЬЧУГОВУ и ИЛЬЗЕ бутылку вина, кивает на Медведя, Гонзаго и Геннадия.

БАРМЕН. Презент от того стола.

КОЛЬЧУГОВ рассматривает этикетку, кивает Медведю. БАРМЕН возвращается за стойку.

ИЛЬЗА (*Кольчугову*). Тебя там уже хоронят.

КОЛЬЧУГОВ. Имеют право.

ИЛЬЗА. Но ты вернёшься. Ты всегда возвращаешься.

КОЛЬЧУГОВ. Я буду стараться. Теперь я точно постараюсь.

ИЛЬЗА. Этот город сделал всё, чтобы тебя уничтожить.

КОЛЬЧУГОВ. Нет, я вернусь.

ИЛЬЗА. Я верю. Ты почти сломался, а сломленных героев не бывает в списках живых. Они неинтересны живёём — только в преданиях и легендах, где их ретушируют люди и время. Но я верю.

КОЛЬЧУГОВ. И потому ты сейчас здесь, со мной. Мне большего и не нужно.

ИЛЬЗА. Конечно, тебе по привычке нужно большего. И если бы не было этой привычки, я бы не прощалась с тобой сегодня. Ты уходишь — и, похоже, навсегда. Но уходишь прямо и честно, как всегда уходил раньше. Я опять горжусь тобой. И будет чем гордиться нашему сыну.

В бар входят ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ, ГЕРДА и ГАМЛЕТ.

ГЕРДА. А, вот они где! Ильза, мы вас потеряли!

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Пусть прощаются, не спешите мешать.

Вновь пришедшие располагаются у барной стойки.

ГАМЛЕТ (*Бармену*). Негусто у тебя сегодня с гостями.

БАРМЕН. Никто не хочет жить сейчас, все хотят жить после.

ГЕРДА. После чего?

БАРМЕН. После всего хорошего.

ГАМЛЕТ. А было хорошее?

БАРМЕН. У кого-то было, но и те не знают, как жить после. Не умеют... Всем пива?

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Наливай, я угощаю. А мне водки.

ГЕРДА. Леонтий Богданович, миленький, Лёша вернётся, вот увидете! Вернётся как герой, как всегда.

ГАМЛЕТ. Конечно. Там и подвига-то всего на полдня — и то, если растянуть хорошенько... За скорую победу, Лёшка! Мы в тебя верим!

КОЛЬЧУГОВ *ответно поднимает бокал.*

ГЕННАДИЙ. Он вернётся?

ГОНЗАГО. Должен.

МЕДВЕДЬ. Кому?

ГОНЗАГО. Всем. Он прилично всем задолжал.

МЕДВЕДЬ. Я вчера покрыл все долги Мифрила.

ГОНЗАГО. Я не про деньги.

ГЕННАДИЙ. А про что?

ГОНЗАГО. Ты не поймёшь, у тебя плоскостопие.

МЕДВЕДЬ. Бёрдина не вижу. Который час?

ГОНЗАГО. Восемь ноль две.

ГЕННАДИЙ. Джек был на площади, общался со студенчеством.

МЕДВЕДЬ. Ладно, подождём.

Внезапно открывается широкая дверь, и из недр заведения общеизвестного РОЗЕНЦВАЙГ и ГИЛЬДЕНШТЕРН выкатывают большой стол с огромным тортом. За ними в бар входит БЁРДИН. Все подходят к столу. ГОНЗАГО режет торт, накладывает куски в подаваемые тарелки.

ГЕРДА. Это откуда же за красота такая?

БЁРДИН. Это на сладкое.

ГЕННАДИЙ. Награда нашла героя.

ГАМЛЕТ. Ты невозможная скотина, Генрих. Таких почти не бывает.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Богу всякая тварь пригодна.

РОЗЕНЦВАЙГ. Умаялись, пока из кондитерской дотащили.

ГИЛЬДЕНШТЕРН. Курьерская же доставка не работает, все ушли на праздник.

БЁРДИН. Тридцать пять тысяч одних курьеров.

ГОНЗАГО. Дар города. Угощайтесь, прошу.

ИЛЬЗА. Какой роскошный торт. У нас на свадьбе меньше был. Да, Лёша?

КОЛЬЧУГОВ. Похороны обязаны быть пышнее свадьбы, они всегда случаются один раз.

МЕДВЕДЬ. По-всякому бывает.

ГЕННАДИЙ. Это как?

МЕДВЕДЬ. Каждый человек волен в своей смерти. Некоторые выбирают многоократные похороны.

ГЕННАДИЙ. Зачем?

МЕДВЕДЕЙ. Так уж они устроены, так им удобнее.

ГАМЛЕТ. Зачем сегодня-то, Иван Петрович? Хорошо же сидели.

МЕДВЕДЕЙ. Я больше не буду. Продолжайте, продолжайте.

МЕДВЕДЬ с куском торта на тарелке садится за столик, листает телефон.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Не сладко, а горько мне это блюдо. Солено оно от моих слёз...

КОЛЬЧУГОВ. Я скажу.

БЁРДИН. Может, не надо?

КОЛЬЧУГОВ. Надо, Джек, надо. Не всем же молчать и подпевать.

БЁРДИН. Дело твоё.

ГИЛЬДЕНШТЕРН. Подождите, мы запишем. Дай ручку, Ефим.

РОЗЕНЦВАЙГ. У меня одна, держи карандаш... Можно, мы готовы.

КОЛЬЧУГОВ. Рассказать вам об устройстве подвига? Это просто. Живёт мальчик — иногда девочка, но чаще, всё же, мальчик — совсем обычный школьник: учится не блестяще, но сносно, дерётся на переменах, занимается спортом, ссорится с родителями — ничем не примечательный мальчик. А потом он вдруг вытаскивает из полыни тонущего щенка: не потому что герой, а потому что никого рядом не было, а щенок тонул. И мальчику невозможно было его не спасти, поскольку впереди долгая жизнь, и как ты её будешь жить, если не спасёшь? А потом все вокруг ждут от мальчика чуть большего, чем от остальных. И он вынужден переводить старушек через дорогу, противостоять хулиганам, побеждать на спартакиадах, бороться против зла, выходить на последнюю битву с врагом. И всегда побеждать, потому что такое уж у него предназначение. Но победы утомляют не меньше проигрышей. Почему только он должен защищать окружающую нормальность и уютность? Ведь в битвах нет ничего нормального, даже если они за великую идею. Убивать людей — довольно паскудная работа... И вдруг он попадает в окружение, в окружение нормальности, в окружение мира без подвигов, где каждый занимается своим незаметным делом, где нет места утомительной войне за правое дело, смертельных схваток и победных реляций. Он устал, он хочет долгожданного покоя. Разве он его не заслужил? И покой наконец его принимает, убаюкивает, говорит: «Мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир. Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, Алексей, погоди... Мы отдохнём». И мальчик прислушивается, мальчик закрывает глаза. Закрывает глаза на окружающую его несправедливость, расчётливость, подлость, которых, оказывается, так много в этом прекрасном мире без битв и смертей. Но однажды вдруг из глубин памяти всплынут глаза спасённого им щенка, и выросший мальчик стряхнёт с себя обманчивый морок благополучия и вспомнит своё предназначение. И тогда горе тому, кто погружал его в сладкий сон, кто спасал его от самого себя. Всё вернулось на предназначенный путь, мир должен быть простым, честным и ясным. Потому всем спасибо, но пришла пора: с утренней зарёй бывший мальчик вновь уходит на последнюю битву добра со злом. Потому что подвиг сам себя не сделает.

РОЗЕНЦВАЙГ. Записал, Сашка?

ГИЛЬДЕНШТЕРН. До последней буквы. Это была прекрасная речь.

ГОНЗАГО. Город гордится вами, Мирил.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Дай обнять тебя, сынок. Благословляю на битву ратную.

ГЕРДА. Я ведь была в тебя влюблена, Лёшка, но ты выбрал Ильзу. Наверное, это правильно, потому что сейчас бы у меня разорвалось сердце.

ИЛЬЗА. Я знаю, Герда. И всегда была благодарна тебе за молчание. У героя

может быть лишь одна прекрасная дама. Так уж вышло, что это я. Это мой вечный счастливый крест.

ГАМЛЕТ. Хорошая речь, дружище. Ты всё сказал верно — мы тебя не достойны. Но то что мы это понимаем, уже неплохо, верно?

ГЕННАДИЙ. Прости меня, Мифрил. И за унитаз с Фибой, Клёпой и Мансуром, и за прочее. Это из зависти и глупости. Но я же простой человек, я имею право на слабость.

КОЛЬЧУГОВ. Ну что вы все, в самом деле? Перестаньте. Я всего лишь сказал, что думаю — честно и от души. Не нужно каждому быть героем, нужно всего лишь оставаться самими собой. И я рад, что вы у меня такие какие есть. Я вам горжусь и если сложу голову на поле брани, то знайте, что за каждого из вас.

МЕДВЕДЬ. И за меня?

КОЛЬЧУГОВ. Пожалуй. Я сегодня чрезмерно великодушен.

МЕДВЕДЬ. Напрасно... Бармен, включи радио.

БАРМЕН. Радио?

МЕДВЕДЬ. Радио, радио. Ему уже два часа дозволено работать.

БАРМЕН достаёт из-под стойки радиоприёмник, стирает с него пыль, включает.

БЁРДИН. Я же говорил, что речь не нужна.

КОЛЬЧУГОВ. Если бы я и дальше всех вас слушал...

Радио хрипит, долго настраивается БАРМЕНОМ на нужную волну. Наконец из радиоприёмника доносится счастливый голос диктора: «... взяли штурмом столицу Лукоморья. Безоговорочную капитуляцию врага от лица Верховного Главнокомандующего принял легендарный Иннокентий Васильков. Лишь героический Инок (так зовут его в войсках), победитель зловещего Чёрного Легиона и разрушитель Панциря Железного Паука оказался достоин этой великой чести. Слава Иннокентию! Слава Президенту! С великой победой вас, дорогие соотечественники!

Сложно представить, какую радость испытывают сейчас жители города, взрастившего единственного героя нашего времени Иннокентия Василькова. Наши корреспондент готовится к прямому включению с главной площади родины героя, где будет разговаривать с людьми, лично знакомыми с легендарным Иноком...»

МЕДВЕДЬ. Достаточно.

БАРМЕН выключает радио. С улицы слышны нарастающие звуки народных торжеств.

Что ж, кажется, всем нам пора на площадь праздновать победу.

ГЕННАДИЙ. Я же Иннокентия прекрасно знал! Как сейчас помню, вот прямо здесь, в этом баре...

БЁРДИН. Все знали, не ты один.

ЛЕОНТИЙ БОГДАНОВИЧ. Счастье-то какое, Лёшенька! Победа! Без тебя обошлось, слава Господу.

ГЕРДА. Очень милый мальчик был. Сразу мне понравился.

РОЗЕНЦВАЙГ. А ведь это мы Кешу заметили и сюда привели.

ГИЛЬДЕШТЕРН. Пригласим его, как старого знакомого, в Академию на встречу со студентами. Да, Ефим?

ГОНЗАГО. Полагаю, Иван Петрович, проект триумфальной арки нужно слегка отредактировать к грядущей встрече героя.

МЕДВЕДЬ. Пожалуй... Но пойдёмте, пойдёмте. Нехорошо отрываться от народа хоть в горе, хоть в радости.

МЕДВЕДЬ, ГОНЗАГО, ЛЕОНТИЙ ПЕТРОВИЧ, БЁРДИН, РОЗЕНЦВАЙГ и ГИЛЬДЕНШТЕРН уходят.

ИЛЬЗА. Ничего, Лёша. Ничего трагического не случилось. Это просто Победа.
КОЛЬЧУГОВ. Да, конечно.

ИЛЬЗА. Тогда я пойду? Наверное, ещё успею Игорька спать уложить. Прощай.
КОЛЬЧУГОВ. Прощай.

ИЛЬЗА уходит.

ГАМЛЕТ. Ну вот опять и мир.

КОЛЬЧУГОВ. А ты чего? Иди.

ГАМЛЕТ. Да ну их... Бармен, нам бы чего-нибудь жизнеутвердительного.

БАРМЕН. Даже не знаю. Могу предложить свою жилетку для слёз.

КОЛЬЧУГОВ. Не самый плохой вариант.

ГАМЛЕТ. Но лучше шашлык.

БАРМЕН. Сделаем.

БАРМЕН ставит пластинку с песней «Когда муж пошёл за пивом», наливает КОЛЬЧУГОВУ и ГАМЛЕТУ пиво. После пары куплетов вместе с громким залпом в баре гаснет электричество и замолкает радиола. Помещение озаряется отблесками праздничного салюта, с площади несётся скандирование «Ин-но-кен-тий! Ин-но-кен-тий!» БАРМЕН ставит на стойку горящую свечу.

ГАМЛЕТ. Жизнь в бесконечном празднике между бесконечными битвами. А не подашь ли ты нам, Бармен, обычную жизнь, жизнь без подвигов?

КОЛЬЧУГОВ. И без героев.

БАРМЕН. Я поищу рецепт, приходите завтра.

Январь 2026 — февраль 2026

